

СМЕРТИ БОЛЬШЕ НЕТ

ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ РОМАН

Александра Поповских

Александра Поповских
Смерти больше нет

«Автор»

2026

Поповских А. В.

Смерти больше нет / А. В. Поповских — «Автор», 2026

Первая часть, апокалипсического романа. 2230 год. Эра искусственного интеллекта, разумных роботов и технологий, которые давно превзошли самые смелые мечты человечества. В этом мире учёный Виктор совершает открытие, способное перевернуть все представления о жизни и смерти: он доказывает, что смерть — это не конец, а лишь переход из одной реальности в другую. Но триумф науки оборачивается катастрофой. Мир, каким его знали, перестаёт существовать. Среди руин цивилизации герои пытаются выжить, сохранить человечность и разобраться в том, что теперь реально, а что — нет. Постапокалиптический роман о цене знаний, тайнах бытия и непростых человеческих отношениях, которые проходят последнюю проверку на прочность в мире, где всё изменилось на всегда.

© Поповских А. В., 2026

© Автор, 2026

Александра Поповских

Смерти больше нет

Глава 1. Виктор. Мир рухнул.

2228 год город Скайтек-Сити 09:05

Огромный зал самого большого в городе, конференц-центра «Эра» был заполнен до отказа. Ряды кресел были заполнены учёными в строгих костюмах, журналистами с электронными блокнотами, проецирующими голографические заметки прямо в воздухе, и камерами, что автоматически выбирали лучший ракурс, молодыми исследователями с горящими глазами, все взгляды были прикованы к сцене. В воздухе витал запах кофе из буфета, и едва уловимый аромат парфюма.

Над залом парили дроны-операторы, они бесшумно скользили между рядами и передавали изображение на гигантские голографические экраны, висящие под потолком. Где-то в углу мерцал виртуальный помощник в виде полупрозрачной девушки, которая анализировала настроение аудитории, фиксируя уровень заинтересованности и скептицизма.

Виктор Дайнер стоял у трибуны, нервничая перед выступлением. Он был ученым, и такие выступления давались ему с трудом. Под его глазами легли тёмные круги после бессонных ночей, но взгляд был ясный, даже немного с безумием. Он слегка поправил маленький микрофон, который улавливал не только голос, но и микроколебания тона, усиливая убедительность речи и скрывая волнение говорящего. Виктор провел рукой по тёмным волосам с проседью, и глубоко вдохнул, глядя на публику.

— Коллеги, друзья, гости, доброго всем дня. Мы собрались тут, чтоб запечатлеть, что-то невероятное, поэтому не стану вас томить ожиданием. И прежде, хочу задать вам вопрос. Что, если человечество однажды узнает, что такое смерть на самом деле? Не как конец, а как порог — переход в иное состояние?

Он коснулся сенсорной панели с тактильной обратной связью — при каждом касании пальцы ощущали лёгкую вибрацию подтверждения. На огромном экране за его спиной появился первый слайд: абстрактная схема энергетических потоков, напоминающая нейронную сеть мозга, но с необычными всплесками на концах линий. Виктор провёл пальцем по панели, перелистывая слайд. Теперь на экране появилась диаграмма с пиками активности мозга в момент биологической смерти, резкие, чёткие всплески, повторяющиеся с математической точностью. Данные дублировались в дополненной реальности, каждый в зале мог вывести их на свои контактные линзы или наручные проекторы.

В зале зашептались. Журналисты застучали по гибким клавиатурам, встроенным в рукава пиджаков, кто-то начал настраивать камеру с автономным ИИ, ловя крупный план Виктора. Молодая репортёрка в первом ряду подняла руку её электронный блокнот уже был испещрён торопливыми заметками, а рядом с головой парил мини-дрон, записывающий интервью в режиме реального времени.

— Простите, вы говорите о бессмертии? О вечной жизни?

Виктор слегка улыбнулся, едва заметная, усталая улыбка. Он перелистнул слайд: теперь на экране были сопоставлены данные разных экспериментов, графики накладывались друг на друга, образуя единую закономерность. Данные тут же синхронизировались с облаком и стали доступны всем участникам конференции.

— Нет. Я не говорю о вечной молодости. В нашем мире ничто не бывает вечным — это закон, который мы не в силах отменить. Но что, если мы научимся обходить смерть не через продление жизни, а через понимание её истинной природы?

Учёный в круглых очках на третьем ряду поднял руку. Его брови были сведены к переносице, пальцы нервно постукивали по подлокотнику умного кресла.

— То есть вы предлагаете какую-то форму реинкарнации? Что-то вроде, новой религии?

Виктор покачал головой, его лицо стало серьёзным. Он снова коснулся панели на экране возникла сложная трёхмерная модель, показывающая переход энергии от биологической структуры к некоему полю. Модель можно было вращать жёсткими.

— Не в том мифологическом смысле, к которому мы привыкли. Я говорю о реальности, которую мы можем изучить и, возможно, даже контролировать. Что, если смерть — это не точка, а запятая? Не финал, а начало новой главы в совершенно ином измерении и реальности?

Молодая исследовательница в заднем ряду подняла руку. Её глаза горели любопытством, пальцы сжимали белый стилус.

— Но как это технически возможно? Вы говорите о сознании? О какой-то форме переноса информации?

Виктор сделал шаг вперёд, ближе к краю сцены. Его голос стал тише, но каждое слово звучало отчётливо будто он уже давно это репетировал. Звуковая система зала автоматически усиливала интонации, делая его речь ещё более убедительной.

— Да. Представьте: сознание — это не просто электрохимические процессы в мозге. Это структура, которая может существовать за пределами тела. Мы уже фиксируем аномальные энергетические всплески в момент биологической смерти. Не случайные выбросы, а упорядоченные паттерны. Что, если это не «угасание», а переход?

Скептик в сером костюме на галерке громко хмыкнул. Его руки были скрещены на груди, а лицо выражало откровенное недоверие.

— Вы хотите сказать, что мы можем «записать» смерть? Управлять ею? Это звучит как фантастика!

Виктор теперь улыбнулся и в его улыбке читалась лёгкая насмешка над самим собой и над ситуацией. Он перелистнул слайд: на экране появились данные лабораторных тестов, подписи учёных, даты экспериментов. Система верификации тут же подсветила подлинность документов зелёным.

— Ещё недавно колонизация Марса тоже была фантастикой, а теперь там уже живет тысяча человек, выращивает овощи, рождает детей. Мы не говорим о том, чтобы отменить смерть совсем. Мы говорим о том, чтобы понять её механизм.

Профессор в сером костюме, сидевший в первом ряду, наклонился вперёд, его пальцы сплелись в замок.

— Допустим, вы правы. Но готовы ли люди к такому знанию? Что будет с обществом, если мы узнаем, что смерть — это вовсе не конец?

Виктор задумался на секунду. Его взгляд скользнул по залу по напряжённым лицам, по камерам, и по блокнотам журналистов. Он сжал губы, потом ответил твёрдо, глядя прямо в глаза профессору:

— Это изменит всё. Религии, философию, науку, само понятие личности. Но страх перед неизвестным не должен останавливать нас. Мы перестали бояться темноты, когда изобрели электричество. Мы перестали бояться расстояний, когда научились летать. Теперь мы должны перестать бояться смерти, и начать её изучать.

Репортёр с камерой поднял руку, его объектив уже был нацелен на Виктора. ИИ камеры автоматически выделил его лицо и настроил фокус.

— И вы утверждаете, что у вас есть доказательства?

Виктор кивнул, его пальцы быстро пробежали по панели управления. На экране появилась динамическая визуализация: график с 95 % совпадений, подписи экспертов, хронометраж экспериментов на мышах. Данные тут же продублировались, чтоб каждый мог изучить их подробнее.

— Вот данные наших экспериментов. Видите этот всплеск энергии? Он не случайный. Он повторяется с точностью до наносекунды. Мы зафиксировали его в 95 % случаев биологической смерти при контролируемых условиях. Это не мистика — это простая физика. Энергия не может исчезнуть бесследно, она материализуется. Мы стоим на пороге открытия, которое может изменить само определение жизни.

Зал взорвался гулом голосов. Кто-то аплодировал, кто-то спорил с соседом, журналисты вскакивали с мест, пытаясь поймать Виктора на вопросы. Молодая репортёрка уже бежала к сцене с микрофоном наготове.

Виктор отступил на шаг, посмотрел в зал и улыбнулся. В его глазах читалась дикая усталость, но и что-то ещё: уверенность, что он на верном пути.

— Станем ли мы богами? Нет. Но мы перестанем быть просто смертными. Мы станем теми, кто осознаёт цикл и учится им управлять. Спасибо.

Овации накрыли зал волной. Виктор выдохнул, провёл рукой по лицу и слегка поклонился. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль о его младшей дочери Риде, и он вдруг понял, что готов рассказать ей об этом. Впервые за долгое время он чувствовал, что делает что-то действительно важное.

Через два года после конференции, 2230 год.

Виктору Дайнеру было 44 года, и годы не прошли для него бесследно но ещё сильнее на его внешности сказались двое суток без сна и почти без еды. Его тёмные волосы были аккуратно зачёсаны назад, а на висках серебрились тонкие нити седины. Лицо с резкими чертами, высокий лоб, выступающие скулы и глубоко посаженные серо-зелёные глаза, выдавали человека, привыкшего к напряжённой работе и постоянным стрессам. Под глазами залегли тёмные круги, кожа приобрела сероватый оттенок, а губы были плотно сжаты в тонкую линию.

Он сидел за толстым бронированным стеклом, вглядываясь в ряды мониторов перед собой. Пальцы нервно барабанили по столу, а взгляд то и дело перескакивал с одного экрана на другой будто он надеялся уловить малейшее отклонение от нормы раньше, чем оно станет критическим. Виктор понимал: то, что они здесь фиксируют, способно изменить историю мира. Эта мысль гнала его вперёд, не позволяя поддаться усталости.

В голове вдруг всплыло лицо дочери Риды. Девятнадцать лет, студентка литературного факультета, с его упрямым подбородком и глазами матери. В последний раз они разговаривали вчера утром, их разговор вышел коротким и напряжённым, как почти всегда в последнее время. Рида упрекнула его, что он опять ставит работу выше семьи, что она почти не видит отца.

— Ты даже не спросил, как у меня дела с дипломной работой, — бросила она напоследок. — Тебе всё равно.

Он пытался оправдаться, объяснить, что проект на решающей стадии, но она уже повешила трубку. Теперь, в гуле оборудования и мигании индикаторов, он отчётливо видел её образ: тёмные волосы до плеч, серьёзный взгляд, сжатые губы, и как она похожа на него в гневе.

«Прости, Рида, — мысленно сказал он. — Ещё чуть-чуть. Это важно. Для всех. И для тебя тоже, даже если ты сейчас этого не понимаешь».

В воздухе витал металлический привкус напряжения будто сама атмосфера лаборатории наэлектризовалась. Виктор ощущал, как под веками колет от недосыпа, а в затылке пульсирует тупая боль. Ладони стали влажными, и он вытер их о брюки, стараясь сосредоточиться.

В центре зала, окружённый суетой лаборантов, стоял глава их компании Маркус Идрис. Высокий, статный чернокожий мужчина с благородной осанкой и пронзительным взглядом.

На нем был светло синий, строгий костюм. Его тёмные глаза внимательно следили за каждым движением подчинённых, а сжатые губы выдавали внутреннее напряжение.

С права от Виктора стояли: аналитик Дариос, инженер Лиам и помощник Оскар. Все выглядели измождёнными: под глазами Лиама залегли такие же глубокие тени, а Оскар то и дело тёр виски, пытаясь прогнать головную боль.

По левую руку от Виктора Анна Волкова, старший инженер системы мониторинга. Её светлые волосы были собраны в небрежный пучок, несколько прядей выбились и падали на лицо. Она не отрывала взгляда от панели с датчиками, её пальцы дрожали, когда она в очередной раз проверила показания. С ней, ее помощница Майя, в очках с черной оправой. В углу стола стояла забытая чашка остывшего кофе, Анна не замечала её уже несколько часов. От напитка исходил слабый, уже неприятный запах горечи, смешиваясь с запахом от перегретой электроники.

За их спинами стояли наблюдавшие: господин Торн, рядом с ним расположились госпожа Эва Веллингтон, господин Роналдо Ридус и Феллони.

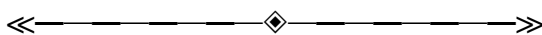
Виктор сглотнув, вдруг повернулся к Маркусу и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Маркус, я не могу увеличить мощность. Если мы поднимем её ещё хоть на процент, может сгореть вся электроника. Мы рискуем потерять не только оборудование, но и данные за последние три месяца.

— Плевать на данные, — жёстко отрезал Маркус, его голос прозвучал неожиданно твёрдо. Он бросил короткий взгляд на финансистов — их лица выражали явное недовольство. — Мы уже сегодня можем получить доказательство работоспособности, цена слишком высока, чтобы остановиться сейчас. Мы не можем сейчас опозориться при всех Дайнер! Я отдал приказ. Выполняйте.

Виктор сжал челюсти, но кивнул. Его пальцы забегали по клавиатуре, вводя новые параметры.

А потом всё случилось в один момент. Сильная вспышка и вся лаборатория погрузилась в тревожную тьму. Стекло, которое должно было служить защитным барьером, теперь стало окном в кошмар: за ним отчётливо виднелась чья-то, неестественно черная рука.

Глава 2. Рида. Новая эра.

Скайтек-Сити 2230 год.

Рида шла по улице, погружённая в свои мысли, и слушала музыку в старом плеере 2020 года маленьком, с сенсорными кнопками и небольшим экраном. В ушах у нее были проводные наушники, которые она бережно хранила: в 2230 году такие были редкостью, даже антиквариатом. Ей нравилось ощущение прошлого, осязаемость вещей в отличие от вездесущих нейроинтерфейсов, голограмм и виртуальных помощников, которые окружали её повсюду. Мир был настолько зависим от этих устройств, что даже одежда, была снабжена датчиками и сканерами. Помимо всего прочего, каждый человек, жил так, как ему диктует Оракул. Это приложение, которое помогало людям, жить свою жизнь, не напрягаясь. А приложением управлял искусственный интеллект.

Мир 2230 года казался Риде слишком быстрым, слишком цифровым. Над головой скользили беспилотные аэротакси и дроны-курьеры, фасады зданий переливались динамичными голограммами, а пешеходы вокруг шли, глядя не под ноги, а в проекцию дополненной реальности перед глазами. Повсюду мелькали голографические рекламные баннеры, которые подстраивались под интересы прохожих, они не только показывали картинки, но и распыляли запахи рекламируемого товара.

Голографические рекламы заполняли почти все пространство города: на стенах зданий, над дорогами, прямо в воздухе — везде красовалась последняя модель шлема искусственной

реальности. Рекламный модуль активировался при приближении человека, и синтезированный женский голос с безупречной интонацией произносил фразу:

— Окунитесь в новый мир реальности «Иллизиум», в котором вы можете быть тем, кем давно мечтали...

Рида поморщилась и закатила глаза. Она знала эту фразу наизусть. Десятки раз на дню, изо дня в день. Мир будто сговорился, чтоб заставить поверить людей, в придуманный «Иллизиум» — единственный выход из всех ситуаций.

Она сделала музыку громче, не в силах уже выносить этот голос. Заиграл свежий трек релиз от нейросетей, он прошел фоном. Рида считала их слишком идеальными и пустыми. Но вот зазвучали аккорды «Дарк-Холла» и по спине пробежали мурашки. В этой музыке была шероховатость, дыхание, ошибка. То, чего не мог создать алгоритм.

Она свернула в тихий переулок, где современные технологии отступали перед атмосферой старины, и остановилась перед витриной магазина в котором подрабатывала после занятий, вот уже как год. Она тяжело вздохнула: «Наконец-то, тишина». Ну или то, что можно было назвать тишиной, в огромном мегаполисе. Вывеска перед ней гласила: «Реликвии Времени» здесь продавали вещи с 2020 года и выше: книги с бумажными страницами, механические часы, диски, компьютеры, старые смартфоны, фотоаппараты и многое другое.

Зайдя внутрь, Рида вдохнула знакомый аромат смесь старого дерева, кожи и пыли веков. Хозяин магазина, Альфред Моррис, стоял у витрины с винтажными фотоаппаратами. На нём был яркий малиновый пиджак, который он надевал почти каждый день, и седые усы аккуратно подкрашены в более тёмный оттенок — это все уже стало его своеобразной визитной карточкой.

На лацкане пиджака Альфреда тускло поблескивал значок, знак бесконечности ∞. Этот символ был запрещён уже два поколения, но Альфред носил его открыто. Элен, его жена, носила такой же спрятанный под воротником блузки.

Супруги Моррисы, оба были диссидентами — последователями «Сингулярной Веры», редкой и почти забытой. Потому-то Альфред и тянулся к старым вещам: потрёпанным книгам, предметам ручной работы, всему, что хранило дух ушедших времён. Они отрицали новую веру и жили без поддиктовки Оракула, всю свою жизнь.

Большинство же исповедовало «Путь Алгоритма», называя своего бога Оптитумом. Их называли пуристами, они почитали ИИ как божество. После Оптитум создал приложение, тот самый Оракул. Решения Оракула не оспаривались, оптимальность ставилась превыше всего.

Жизнь пуристов подчинялась правилам: утренняя синхронизация подключение к сети за рекомендациями; решения, от выбора профессии до партнёра по жизни.

В 14 лет, инициация: подключение к Главному Оракулу и получение «жизненного маршрута» под тип личности.

К ужасу самой Риды, ее родители были Пуристами. Точнее мать была такой, а отец просто делал вид. Пурист из Риды был ужасный, она не соблюдала правила, отчего Оптитум постоянно присылал ей выговоры.

— А, Рида, девочка моя! — обрадовался Альфред, увидев её. — Как раз вовремя. Сегодня мы с Эвелин отправляемся в нефритовые пещеры помнишь, я рассказывал? Говорят, там до сих пор сохранились древние наскальные рисунки, которым больше трехсот лет.

Рида улыбнулась и протянула ему чашку его любимого напитка, натурального чая, заваренного по старинному рецепту. Она всегда перед работой забегала в кофейню за ним. Альфред же тоже часто баловал ее, оставляя кучу снеков для нее на рабочем месте.

— Звучит волшебно, мистер Моррис. Передавайте привет миссис Моррис.

— Обязательно! — он сделал глоток и блаженно прикрыл глаза, словно наслаждаясь не только напитком, но и моментом. — Кстати, она спрашивала про тебя хочет снова пригласить на ужин.

Рида улыбнулась. Приглашения от Морисов были для нее чем-то вроде маленького праздника: раз в месяц, на выходных она оказывалась у них за ужином, в атмосфере домашнего уюта и искренней заботы. Которой в ее родной семье, ей так не хватало.

Ей искренне нравились Морисы, пара, излучавшая доброту и тепло, несмотря на выпавшие испытания. Миссис Морис не могла иметь детей, а дорогостоящая искусственная утроба оказалась им не по карману. Но вместо того чтобы утонуть в горечи, они выбрали другой путь, и жить полной жизнью, отдаваясь своим увлечениям.

Альфред с азартом коллекционера погрузился в мир редких находок. Эвелин же творила красоту своими руками, её глиняные скульптуры пользовались заслуженной популярностью, оживляя пространства и даря радость зрителям.

Рида окинула взглядом магазин, в поисках новых реликвий, которые всегда ждала с нетерпением.

Витрина у входа была заполнена гаджетами начала XXI века: смартфоны с трещинами на экранах, фитнес-браслеты, первые беспроводные наушники.

Полки вдоль стен были уставлены книгами в кожаных переплётках, альбомами с фотографиями, коллекциями старинных монет.

В центре зала стояла антикварная мебель: дубовый стол с выдвигаемыми ящиками, кресло-качалка, секретер с потайными отделениями.

На стенах висели механические часы разных эпох, одни все ещё шли, другие остановились много лет назад.

У окна расположилась коллекция музыкальных носителей: виниловые пластинки, CD-диски, кассеты. Рядом стоял и старый проигрыватель, который Рида иногда включала для атмосферы.

Воздух тут всегда был пропитан запахом старины дерева, кожи и бумаги. Это контрастировало с стерильной чистотой и искусственными ароматами современного города.

Освещение было приглушённое и тёплое, не голограммное и светодиодное, а настоящее, из ламп накаливания, которые создавали мягкий жёлтый свет.

Альфред допил чай, тепло улыбнулся Риде и направился к выходу.

— Присматривай за магазином, дорогая. Мы вернёмся через пару дней!

Дверь за ним закрылась, и Рида осталась одна среди реликвий прошлого, чувствуя, как этот маленький островок истории даёт ей силы жить в стремительном, чуждом мире 2230 года. Ей иногда казалось, что она родилась не в своем времени, и нужно было родиться где-то в 2025.

Рида села за старинный деревянный стол в углу магазина здесь, среди полок со старыми книгами, она оборудовала себе небольшой рабочий уголок. Включила лампу с тёплым светом, достала обычный блокнот и шариковую ручку, так ей лучше думалось, чем с нейроинтерфейсами. Ей нужно было закончить сочинение на тему современного мира, о котором писать совсем не хотелось.

Вдруг запищал её коммуникационный браслет на запястье, экран замерцал полупрозрачной голограммой: входящий вызов от матери. Рида вздохнула и приняла соединение. На голограмме появилась мама, её лицо, подсвеченное мягким светом домашнего ИИ-освещения, выглядело одновременно радостным и слегка напряжённым. Белые волосы, на голограмме, казались еще светлее.

— Рида, солнышко, ты не забыла? Завтра юбилей твоего отца. И твоя сестра Амелия приезжает из Нового Берлина с Эриком, будет всего на пару дней, но это будет сюрприз. Ты же будешь на празднике?

Рида сжала ручку в руке. Амелия... ее старшая сестра, блестящая студентка Академии космических технологий, любимица родителей. И ее противный, такой же выскочка муж. Всегда с идеальной причёской и, с безупречными манерами. Рида постоянно слышала, как родители постоянно сравнивают их, и сравнение всегда не в её пользу.

— Да, мам, я буду, — сдержанно ответила она. — Постараюсь не испортить праздник.
— Ну что ты, милая... — начала было мать, но Рида поспешила закончить разговор:
— Извини, мам, у меня домашнее задание. До завтра!

Она отключила связь и глубоко вздохнула, словно пытаясь вдохнуть силы для грядущего спектакля. Снова придётся натягивать на лицо улыбку, делать вид, что всё прекрасно, терпеливо выслушивать восторженные рассказы об очередных триумфах Амелии и ловить на ней эти восхищённые взгляды родителей.

А что она? Всего-то поступила в литературный, самый непопулярный вуз Скайтек-Сити. В то время как Амелия блистает: закончила Академию космической технологий, в качестве космического медика в самом огромном городе планеты, Аквасити, нашла идеального мужа и строит безупречную карьеру.

«Тьфу», — мысленно выдохнула она, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. В груди клубилась горечь, смешанная с привычной, но оттого не менее острой завистью. Взгляд невольно скользнул к окну там, за стеклом, мерцали огни мегаполиса, равнодушные к её внутренним бурям.

Ближе к закрытию магазина, когда Рида уже собиралась закончить работы, пол под ногами вдруг дрогнул. Первый толчок был лёгким, почти незаметным, но она сразу поняла — начинается землетрясение. В 2230 году это было привычным явлением: тектонические сдвиги из-за масштабного строительства подземных городов и гипертуннелей случались регулярно.

Не теряя ни секунды, Рида бросилась к задней стене магазина и открыла неприметную дверь с надписью «Ковчег». Такие комнаты были обязательны в каждом здании после Великого землетрясения 2185 года.

К ковчегу уже направились двое посетителей, пожилая пара, зашедшая посмотреть старинные гравюры.

— Быстрее садитесь! — крикнула Рида, помогая женщине дойти до скамьи. — Сейчас будет второй толчок, посильнее.

Она быстро закрыла герметичную дверь, проверила систему фильтрации воздуха и включила аварийное освещение. В комнате было всё необходимое на случай обрушения: запас воды; сублимированные пайки; аптечка; ручной генератор для освещения; набор инструментов для разбора завалов.

Второй толчок начался через минуту и он оказался совсем не таким, как обычно. Пол заходил ходуном, стены затрещали, сверху что-то упало на ковчег. Последовали новые толчки, один сильнее другого. Снаружи доносились грохот падающих конструкций и тревожные сигналы аварийных сирен.

— Что же это? Такого ещё не было... — прошептала женщина, прижимая к себе мужа. Рида отметила про себя тоже самое.

Толчки продолжались минут десять, самые долгие и сильные из тех, что она когда-либо испытывала. Потом всё стихло. В наступившей тишине было слышно только их учащённое дыхание.

Когда Рида наконец открыла дверь убежища, картина перед ней предстала ужасающая. Магазин «Реликвии Времени» был практически разрушен: стены треснули, крыша частично обрушилась, полки с антиквариатом превратились в груды обломков, а с потолка свисала груда проводов.

Она попыталась вызвать помощь через коммуникационный браслет, но экран оставался чёрным. Попыталась включить свой обычный телефон та же история. Вся электроника вокруг была мертва, словно после мощного электромагнитного импульса.

Осторожно пробираясь через завалы обломков, помогая старикам, Рида наконец выбралась наружу. Улица предстала перед ней словно после удара чудовищной стихии: здания покоились, местами обрушились фасады; дороги растрескались глубокими изломами, а кое-где

провалились, обнажая нижние уровни коммуникаций. Повсюду валялись обломки конструкций, искореженные каркасы разбитых дронов, фрагменты голографических панелей и обрывки проводов.

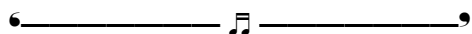
Голографические рекламные проекции безжизненно темнели — ни единого блика. Аэротакси больше не скользили по воздушным коридорам. Город, ещё вчера сверкавший неонами и технологиями, теперь словно откатился в прошлое, обнажив под слоями фасадов старые бетонные блоки и ржавые балки.

Машины стояли мёртвой шеренгой вдоль дорог, ни одна не подавала признаков жизни, не вспыхивали дисплеи, не гудели двигатели. Сирены, которые ещё недавно то и дело нарушали городской гул, смолкли. Наступила такая тишина, какой Рида не слышала никогда: ни рокота транспорта, ни фонового гула мегаполиса, ни голосов рекламы, только тяжёлое дыхание и напуганные голоса людей.

В груди что-то сжалось. «Мама... Родители...» — мысль ударила острой иглой. До их района пешком, часы пути. Ни один вид транспорта не работал: монорельс замер на эстакаде, метро скорее всего тоже стоит мёртвым составом в тоннелях.

Она на мгновение замешкалась, затем решительно развернулась и забежала обратно в свой магазин. Быстрыми движениями собрала самое необходимое: пару бутылок воды, сухие пайки, компактный набор первой помощи. Закинула всё в рюкзак, проверила крепления и вышла на улицу.

Впереди её ждал долгий путь через весь Скайтек-Сити. Несколько часов пути среди руин некогда безупречного мегаполиса. Рида глубоко вздохнула, поправила лямки рюкзака и шагнула вперёд — туда, где ждали её родители.

Глава 3. Виктор. Прошлое, испытание «смерти больше нет 19»

За пол года до катастрофы. Скайтек-Сити, здание «ЭОН Технологии»

Виктор стоял у панорамного окна лаборатории, за которым раскинулся вечерний Скайтек-Сити: мерцающие неонами небоскрёбы, потоки летающих машин, голографические вывески, танцующие в сумеречном небе. На минуту он мысленно переместился к своей семье, к тем, кого видел так редко.

Старшая дочь, Амелия, ей уже двадцать пять, не появлялась дома два года. Она обосновалась в Аквасити и строила впечатляющую карьеру космо-врача. Амелия и её муж Эрик звонили каждый день, короткие видеозвонки с борта орбитальной станции или из клиники на дне океана, но эти мгновения не могли утолить тоску Виктора. Он всё равно скучал остро, по-настоящему, по отцовски.

Скучал он и по младшей дочери, Риде, которой недавно исполнилось двадцать. Та училась на третьем курсе Литературного университета и старалась навещать родителей каждые выходные. Но даже в эти редкие дни Виктор не всегда мог быть дома: эксперименты, отчёты, ночные смены в лаборатории съедали время, как ненасытный зверь.

И, конечно, он скучал по своей любимой Неллин, женщине, которую выбрал ещё в старшей школе. Она была невероятно красива тогда и осталась такой же сейчас. В современном мире молодость удавалось сохранять куда дольше: технологии, биокоррекция, современная медицина... Неллин выглядела почти так же, как её взрослые дочери. Всё тот же озорной блеск светлых глаз, почти белые волосы до плеч, и тот самый заразительный смех такой звонкий и заразительный.

Виктор глубоко вздохнул, вглядываясь в огни города. Где-то там, за этими огнями, были его близкие люди, ради которых он работал, стремился и жил. И мысль об этом, пусть на мгновение, согрела его посреди холодного свечения лаборатории.

В кресле напротив сидел доброволец, Ксавьер Фолл, мужчина лет пятидесяти с измождённым лицом и усталыми, но живыми глазами. Диагноз был неутешительным: неизлечимая нейродегенеративная болезнь. Фоллу осталось пара месяцев жизни, и он был рад стать добровольцем.

Рядом с Виктором, у консоли с мониторами, сосредоточенно следила за показаниями Анна Волкова. Её пальцы порхали над сенсорной панелью, корректируя параметры считывания лёгкие касания оставляли едва заметные блики на глянцевой поверхности. Позади, у стендов с оборудованием, тихо переговаривались лаборанты: Майя настраивала систему жизнеобеспечения, проверяя каждый клапан и датчик с маниакальной тщательностью, а Лиам проверял калибровку микроиглы, тончайшего инструмента, который вскоре проникнет в мозг пациента. В воздухе витал лёгкий запах стерильности, характерный для лабораторий высшего класса.

— Вы делаете огромный вклад в науку, — тихо произнёс Виктор, поворачиваясь к Ксавьеру. Его голос прозвучал чуть хрипло, будто он сам только что принял непростое решение. — Возможно, это изменит всё, что мы знаем о сознании и смерти.

Ксавьер слабо улыбнулся, его улыбка вышла натянутой, но искренней:

— Умирать никому не хочется. Но если это поможет другим... пусть будет так.

Анна опустила взгляд от экрана. В её глазах мелькнуло что-то тёплое, почти материнское, когда она посмотрела на мужчину и сказала:

— Ксавьер, все системы готовы. Мы будем рядом на каждом этапе. Вы не останетесь один, даже там.

Виктор кивнул, подошёл к консоли и проверил финальные данные. На главном экране мерцали графики: линии биения сердца пульсировали в такт реальному ритму, активность мозга отображалась в виде разноцветных волн, температура тела держалась в норме.

— Суть эксперимента «Смерти нет-19» в следующем, — начал он, возвращаясь к собеседнику. — Мы остановим ваше сердце на строго контролируемый период. В это время специальная микроигла, которую Лиам подготовил, будет считывать активность участка мозга, отвечающего за память и самосознание. Мы хотим зафиксировать, что происходит с сознанием в момент клинической смерти и после неё.

Ксавьер сглотнул, на шее дёрнулся кадык:

— То есть... я умру?

— Да, но не надолго, — подтвердил Виктор. — Майя запустит систему перезапуска сердца по сигналу. Это безопасно мы провели десятки таких симуляций. Вы не первый, на ком мы тестируем эту технологию, но уверяю вас, все будет хорошо.

— Вы сказали, что эксперимент называется «Смерти больше нет-19»... А что было с предыдущими добровольцами? — голос Ксавьера дрогнул.

Виктор и Анна переглянулись. Анна скривила гримасу и покачала головой, её пальцы на мгновение замерли над панелью. Виктор вздохнул и подошёл ближе к Ксавьеру, положил руку на плечо:

— Я не хочу вам врать, Ксавьер. Из уважения к тому, что вы делаете, скажу правду. К сожалению, предыдущие эксперименты не увенчались успехом, мы ничего не нашли, но зацепки есть. Люди остались живы, но их забрала болезнь, которая их уже убивала.

— Они ушли без надежды... — прошептал Ксавьер, взгляд его затуманился обдумывая слова Виктора. Затем он глубоко вдохнул и покорно лёг на мягкую кушетку, которую приготовили для него.

Они тщательно подготовили пациента к эксперименту: датчики на висках неприятно холодили кожу, инъекция успокаивающего раствора обожгла вену, а микроигла, с ювелирной точностью введённая в область гиппокампа под контролем электронного наведения, вызвала лёгкое покалывание. Анна лично проверила фиксацию электродов — её пальцы на мгновение

дрогнули, когда она коснулась лба Ксавьера, словно пытаясь передать ему частицу своей уверенности в успехе.

— Начинаем, — твёрдо произнёс Виктор. Голос его звучал непреклонно, но в глубине глаз таилась нескрываемая тревога: слишком многое стояло на кону.

Монитор показал ровную линию почти сразу, как Майя ввела раствор в вену Ксавьера. Сердце покорно остановилось, будто осознавало грандиозность момента, замерло в ожидании чуда, повинувшись воле учёных.

Взоры всех присутствующих, исполненные напряжения и затаённой надежды, приковались к экрану, где фиксировались малейшие изменения. В начале, лишь абсолютная тьма: вязкая, давящая и жуткая, то как выглядит сама смерть. Несколько долгих, тягучих секунд, в течение которых, казалось, само время остановилось, каждый в лаборатории затаил дыхание. А затем, яркая вспышка, ослепительная, подобно взрыву сверхновой. И спустя ещё несколько мгновений пациент открыл глаза но уже не в стерильных стенах лаборатории.

Перед ним раскинулся солнечный парк во всём своём великолепии: тёплый ветер ласково шевелил волосы, в воздухе витал пьянящий аромат цветов и свежести, по аллеям неспешно прогуливались люди, звенел беззаботный смех детей. Он стоял у фонтана, в руках держал букет красных роз. На нём был элегантный костюм, которого он никогда прежде не носил, а на пальце поблёскивало обручальное кольцо. Все присутствующие отчётливо понимали: Ксавьер уже много лет как вдовец, его супруга погибла вследствие роковой врачебной ошибки.

«Где я?» — пронеслось в его сознании, но тут же пришло озарение: он *знал* это место. Знал людей вокруг. В голове стремительно, будто прорвавшая плотину река, всплывали воспоминания — иной брак, иная работа, иная жизнь. Он *был* этим человеком. Его сознание плавно, почти незаметно слилось с новым «я», словно так и должно было быть, будто это и есть его истинное предназначение.

— Нужно возвращать, — произнесла Майя дрожащим голосом. Её руки мелко колыхались над панелью управления.

— Получилось... — прошептал Виктор, схватившись руками за голову. В его глазах стояли слёзы восторга, смешанного с благоговейным трепетом и неверием. — Это просто невероятно! Мы совершили невозможное!

— Я всё записал! — восторженно воскликнул Лиам, сжимая в руках накопитель данных так, будто это был самый ценный артефакт во Вселенной, и ключ к разгадке всех тайн смерти.

Майя, сразу начала процесс запуска сердца.

— Он возвращается! — раздался голос Анны. Она не отрывала взгляда от монитора, где картинка постепенно меркла, растворялась в дымке, превращаясь во тьму и уступая место привычной реальности.

Монитор жизнеобеспечения ожил, демонстрируя ритм сердца. Ксавьер сделал судорожный вдох, глаза распахнулись. Он смотрел на Виктора и Анну.

— Уже всё? Нам удалось?

— Всё хорошо, — улыбнулся Виктор, едва сдерживая слезы. — Вы прошли через остановку сердца. Теперь расскажите: что вы видели?

Ксавьер задумался, слегка нахмурил лоб, пытаясь поймать ускользающие образы. Все присутствующие подошли ближе, в надежде.

— Ничего... Я ничего не помню. Просто... темнота, а потом — вы.

Виктор обменялся многозначительным взглядом с Анной. Та кивнула и запустила запись. На экране появилось видео: игла зафиксировала всё, что «видел» мозг в момент перехода. Ксавьер смотрел, как он сам стоит у фонтана, держит букет, улыбается женщине рядом, которую он видит впервые.

Его глаза расширились сперва от шока, затем от изумления:

— Это... это был я? Но как? Это не моя жизнь!

— Похоже, сознание после смерти переносится в альтернативную реальность, как мы и думали. — произнёс Виктор, и голос его дрожал от волнения, от осознания масштаба открытия. — И там вы становитесь частью иной судьбы.

Ксавьер молчал несколько секунд, осмысливая сказанное, а затем на его лице появилась улыбка, такая широкая, похожая на детскую.

— Значит... смерти нет? — прошептал он. В его шёпоте прозвучала такая глубокая надежда, что у присутствующих перехватило дыхание. — Я не исчезну?

— Похоже, что так, — кивнул Виктор, и в его взгляде читалось осознание величия свершившегося. — Но, вероятно, там вы не будете помнить эту жизнь. Однако вы дали нам не просто данные. Вы подарили надежду, надежду всему человечеству.

Ксавьер откинулся на подушку, устремил взгляд в потолок. За долгие годы в борьбе за жизнь, он больше не боялся смерти.

Анна мягко сжала его руку, пока он лежал глядя в потолок свободной рукой, вытирая слезы.

— Меня радует это, — сказал Ксавьер. — Но мои дети, я ведь больше их не увижу.

— Да, но я думаю они будут счастливы знать, что вы не совсем мертвы. — отозвалась Анна, Ксавьер быстро закивал, сжимая губы.

Майя и Лиам обменялись взволнованными взглядами у приборов. То, что происходит тут, теперь навсегда изменит мир.

— Вы хотите экспериментировать над людьми и дальше?! — возмущённо воскликнула женщина, которую Виктор знал как Феллини Войл. Её голос, обычно ровный и рассудительный, сейчас звенел от негодования. Она была кандидатом наук в той же сфере, что и Виктор, и неизменно выступала против его методов.

Виктор не сразу ответил, он всё ещё таращился на мерцающую голограмму, где пульсировали линии мозговой активности Ксавьера в момент перехода. Изображение дрожало, переливалось оттенками синего и алого, словно живое существо.

— Эти эксперименты продвинули нас, — произнёс он наконец, медленно оторвав взгляд от проекции. — Мы сошли наконец с мёртвой точки. Я доказал, что смерть — это лишь переход. Более того, теперь можно с точностью сказать, что дежавю, это не глюк мозга, мы действительно, это уже пережили в прошлой жизни.

Феллини резко повернулась к нему, её глаза сверкнули холодным огнём:

— Это не доказательство! — она обвела взглядом собравшихся в зале учёных, ища поддержки. — Что, если это просто игра воображения? Галлюцинация умирающего мозга? Мы не можем выпустить в мир открытие, которое не подтверждено сто раз!

В помещении повисла тяжёлая пауза. Все смотрели на Виктора и на голограмму. Кто-то с восхищением, кто-то с недоверием.

— Как вы хотите, чтоб я это доказал? — Виктор сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Я не знаю, но это не доказательство! — повторила Феллини упрямо, её голос зазвучал ещё резче.

Виктор тяжело вздохнул, провёл рукой по лицу, ощущая колючую щетину и усталость, накопившуюся за бессонные ночи. Анна, сидевшая рядом, бросила на него взгляд, полный лёгкой грусти. Она знала, сколько сил они вложили в этот проект, бессонные смены, отказ от выходных и еды, редкие звонки семье... И вот теперь всё могло пойти прахом из-за сомнений коллег.

В этот момент Маркус Идрис, до того неподвижно сидевший в центре стола, наконец шевельнулся. Глава компании «ЭОН-Технологии», курировавший проект при поддержке Научно-исследовательского института антропологии и биопсихологии и центра «Ното», откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком. Его темная кожа, слегка сияла, синим, отражая цвет голограммы.

— Феллони права, — произнёс он размеренно, и в его голосе прозвучала сталь. — Этого недостаточно.

Анна не выдержала, она вскочила с места и сказала:

— Маркус, вы же знаете, сколько мы работали над этим! — её голос почти срывался в крик. — Мы не покладая рук изучали все данные, искали возможности, проверяли гипотезы! Вы не можете просто взять и обнулить наши труды!

Маркус поднял ладонь, призывая к спокойствию, глаза метнулись к Виктору, который в нервном тике, стучал пальцем по планшету.

— Я не обнуляю, — сказал он твёрдо. — Это, безусловно, огромный прорыв. Но я знаю вас, Виктор. Вы найдёте способ доказать это другим путём. Так действуйте.

По залу прокатился шёпот, учёные переглядывались, перешёптывались, кто-то громко говорил, что это безумие. Воздух будто сгустился от напряжения.

Виктор стиснул зубы до скрипа. В голове уже замелькали идеи, обрывки формул, схемы экспериментов, возможные пути проверки. Он мысленно отбрасывал одно за другим, искал слабое звено, точку опоры.

«Я докажу, — пронеслось в его сознании. — Я докажу им всем, на что способен».

Глава 4.Рида. Скайтек-Сити

Скайтек-Сити словно онемел. Голографические рекламные баннеры погасли, оставив после себя лишь тёмные прямоугольные пятна на фасадах. Беспилотные дроны-курьеры валялись на тротуарах, как странные металлические насекомые. Дома, лишившиеся подсветок, выглядели ужасно, серые фасады показывали свою старую штукатурку, которая еще и осыпалась после землетрясения.

Воздух наполнился криками, руганью, не было даже сигналов аварийных сирен. Улицы наполнились страшной тишиной, которую люди не слышали уже давно. Люди, привыкшие полагаться на ИИ-ассистентов и Оптитума, растерялись. Многие стояли на месте, бессмысленно глядя перед собой их импланты и коммуникационные браслеты больше не работали. *«И куда привел нас ваш бог?— думала Рида. — Вездесущий, а катастрофу не предвидел».*

Рида двинулась вперёд, осторожно обходя обломки. По мере того как она углублялась в город, картина становилась всё мрачнее.

У супермаркета на углу собралась толпа. Сначала Рида подумала, что люди ждут помощи, но вскоре поняла: они грабили магазин. Стекло двери были разбиты, из проёма выбегали мужчины и женщины с охалками продуктов, коробками синте-мяса, бутылками воды. Кто-то тащил бытовую технику, которая скорее всего теперь будет бесполезна, но они еще об этом не знают. *«Каким бы современным обществом мы ни были, каждый раз когда что-то происходит, мы превращается в зверей».* С грустью подумала Рида.

— Стойте! — кричал охранник у входа с уже разбитой губой размахивая битой. — Это частная собственность!

Но его никто не слушал. Толпа напирала, и вскоре охранник отступил, поняв, что один не справится.

Рядом, у аптеки, разворачивалась похожая сцена. Люди ломали витрины, хватали всё подряд: лекарства, аптечки первой помощи. Рида заметила женщину с ребёнком на руках — та, дрожащими руками, пыталась найти жаропонижающее.

На перекрёстке группа подростков перевернула автономный фургон с едой. Они смеялись, разбрасывая упаковки снеков, пока старший из них не заорал:

— Хватит дурачиться! Набирайте, сколько унесёте!

Рида ускорила шаг. Она старалась держаться подальше от скоплений людей, выбирая боковые улицы и переулки. Но и здесь царил хаос: машины, застрявшие посреди дорог, застыли как статуи. Некоторые владельцы пытались катить их в ручную.

Люди, сбившиеся в кучки, обсуждали что-то на повышенных тонах кто-то предлагал идти к окраинам города, кто-то настаивал на том, чтобы занять оборону в ближайшем здании. Кто-то все же верил, что Оптитум оживет.

Дети, плачущие от страха, их родители растерянно гладили их по головам, не зная, что сказать.

Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени на разрушенные улицы. Рида почувствовала, как устали ее ноги, она шла уже несколько часов, петляя между завалами и обходя опасные районы. В животе урчало: последний раз она ела в обед, а магазины теперь были либо разграблены, либо забаррикадированы хозяевами, или вовсе опасны.

Наконец, вдаль показались жилые башни района «Платформа Ω» — высокие, серебристые, с панорамными окнами. В одной из них, на 45-м этаже, жили её родители. Рида прибавила шагу.

Рида уже два года жила в университетском общежитии, вынужденная самостоятельность, ставшая новой реальностью. Университет стоял так далеко от родного дома, что поездка к родителям превращалась в целое приключение: три пересадки, долгие часы в дороге и неизменное чувство лёгкой тоски по привычному уюту.

В этот момент она вдруг отчётливо вспомнила свою старую комнату. Солнечный луч, пробивающийся сквозь занавески по утрам, запах выпечки из автокухни...

Добравшись до подъезда, она вздохнула с облегчением, здание выглядело целым. Но когда она подошла к лифтам, сердце упало: все кабины замерли на разных этажах, панели управления не горели.

«Лифты не работают», — подумала она с досадой. — «Придётся идти пешком».

Лестница начиналась сразу за турникетом. Рида толкнула тяжёлую дверь и оказалась в полутёмном пролёте. Здесь пахло бетоном и металлом, а тишина казалась почти осязаемой после уличного шума.

Она начала подъём. Первые десять этажей дались легко. Рида шла быстро, перепрыгивая через ступеньку. Но уже на 15-м этаже дыхание сбилось, ноги налились тяжестью. На 20-м она остановилась передохнуть, прислонившись к стене. Внизу, в шахте лифта, что-то глухо заскрипело, возможно, кабина сдвинулась с места. Рида вздрогнула и поспешила дальше.

На 30-м этаже она заметила следы других людей: на ступеньках валялись пустые бутылки, обрывки одежды, чей-то разбитый коммуникатор. Кто-то уже прошёл этим путём до неё.

35-й, Рида вытерла пот со лба. Руки дрожали, в боку кололо. Она сжала зубы и пошла дальше.

40-й, осталось всего пять этажей. Она слышала, как где-то выше раздаются голоса других людей. Сейчас встретиться с кем-то чужим, лицом к лицу, было страшно. Люди в стрессовой ситуации, были непредсказуемы.

45-й этаж, Рида, задышавшись, добралась до нужной площадки и постучала в дверь. Секунду спустя та распахнулась.

На пороге стояла мать, лицо в разводах слёз, под глазами тёмные круги, будто сама ночь поселилась там. От неё пахло потом и благовониями, которыми она, видимо, пыталась приве-

сти себя в порядок. Она бросилась к Риде, сжала в объятиях так, что затрещали кости, словно боялась, что дочь вот-вот исчезнет, растворится в хаосе, поглотившем мир.

— Рида! — выдохнула мать, голос дрожал, как огонёк свечи на сквозняке. В нём слышались надрыв и отчаяние. — Я тут с ума схожу... Всё отключилось, понимаешь? Ни связи, ни света, ни... ничего. Оптитум молчит. Ты как? Не ранена?

— Я в порядке, — хрипло ответила Рида. Напряжение последних часов отпускало, но вместо облегчения в груди разрасталась тяжёлая пустота. В горле пересохло, а руки всё ещё слегка дрожали после пережитого.

Мать затащила её в квартиру и надёжно закрыла дверь, щёлкнули замки, один за другим, словно пытаясь отгородиться от безумия снаружи. Звук защёлкивающихся замков эхом отозвался в пустой прихожей, подчёркивая гнетущую тишину. Почти всегда в гостиной играла легкая музыка если мама дома, но сейчас была лишь тишина.

— Отца всё ещё нет, — прошептала мать. — И Амелия с Эриком... они...

Голос сорвался, она зарыдала, закрывая лицо руками. Рида подошла ближе. Отношения с матерью никогда не были тёплыми, слишком много обид, слишком много недосказанности, но сейчас это не имело значения. Рида неловко приобняла её, ощутив, как материнские плечи содрогаются от рыданий.

— Они как раз летели в этот момент на самолёте...

У Риды вышибло дух. Если вся электроника вышла из строя, то самолёт, скорее всего, рухнул. Несмотря на нелюбовь к сестре, она почувствовала, как внутри всё сжимается от ужаса, а в ушах зазвучал отдалённый гул.

— Аэропорт недалеко, — тихо сказала Рида и собственный голос показался ей чужим. — Я могу сходить и...

— Даже не думай, Рида! — воскликнула мать, резко отстраняясь. Её голос прозвучал слишком громко в этой тишине, заставив Риду вздрогнуть. — Ты видела, что там творится? Люди с ума сходят, это слишком опасно. Мы дождёмся отца, или пока не заработает Оптитум.

«Дождаться? Но сколько ждать? День? Два? А если уже поздно? Нет, нельзя так думать», — Рида сжала кулаки, стараясь отогнать мрачные мысли.

Они нашли свечи из искусственного воска, те самые, что доставали только по особым случаям, на семейные ужины. При их зажигании комнату наполнил слабый аромат цветов, без усилителей запаха, которые так же не работали, запах почти не ощущался.

Весь Скайтек-Сити погряз во тьме. Рида с матерью вышли на балкон и замерли.

Город казался мёртвым: лишь редкие огоньки мерцали вдали, то ли костры, то ли фонари, а на небе рассыпались звёзды. Рида видела их лишь за городом, до катастрофы, мим на голограмме ночного неба, которое иногда включали. Воздух был непривычно чистым, без обычного городского смога, и оттого пах иначе сыростью, опавшими листьями.

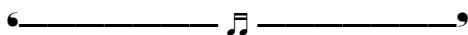
«Раньше мы даже не замечали звёзд. Всё загоразживали огни мегаполиса... А теперь это чуть ли, не единственный источник света», — подумала Рида, чувствуя, как в груди зарождается странная смесь страха и восхищения.

— Красиво, — сказала она, понимая, как сильно они погрязли в световом шуме.

Мать постоянно шмыгала носом, и без конца вытирала слезы. Она, так же была зависима от Оптитума и Оракула, и без поддержки, не знала что делать и как себя вести. Рида же, привыкшая жить без всего этого, почти не чувствовала изменений.

Вдруг перед ними что-то пролетело, а после раздался странный звук. Рида посмотрела вниз, там на земле лежал человек. Люди, не выдержав отсутствия своего бога и без подсказок Оракула, просто кончали жизнь самоубийством. Мать тоже хотела посмотреть что там был за звук, но Рида ее остановила, с ужасом осознавая, что ее мать могла сделать так же.

«Это совсем не выход, — думала Рида. — Скоро все наладится».

На следующий день, от отца и сестры не было никаких вестей. В город вошли военные, они сдерживали беспорядки, патрулировали улицы, разносили провизию и питьевую воду. В квартирах не было ни воды, ни света. Жизнь замерла, но люди пытались выжить. В воздухе витал непривычный запах гари и чего-то кислого.

— Я сегодня пойду в аэропорт и на работу к отцу, — твёрдо сказала Рида.

— Хорошо, — кивнула мать. — Я пойду с тобой.

Рида с сочувствием посмотрела на ногу матери. Биотический протез, работающий на батарее, перестал работать, и лишь поддерживал ногу. Мать лишилась ноги в аварии, когда ее аэротакси, рухнуло с шестиметровой высоты. Ей было тогда всего восемнадцать.

«Она не сможет идти далеко. Да и кто останется ждать дома? Вдруг они вернуться, а нас нет...»

— Мам, твоя нога... — начала Рида. — К тому же, нужно, чтобы кто-то остался дома, на случай, если отец или Амелия вернутся. Я пойду одна.

— Это очень далеко, Рида...

— Я возьму старый велосипед дедушки, — улыбнулась она. — Я умею ездить на нём.

Любовь ко всему *аналоговому* у Риды была именно от деда. Он тоже презирал зависимость от технологий: всю жизнь ездил на обычном велосипеде, без батарей, без дополнительных колёс, только педали и цепь. Он научил Риду держать равновесие, чувствовать движение металла под руками, слышать, как шуршат шины по асфальту.

«Дед бы с ума сошел от радости, видя, как вся электроника полетела. Он всегда говорил: „Технологии — это хорошо, но человек должен уметь жить без них“», — с тёплой грустью подумала Рида.

Она откопала велосипед на балконе, собрала в рюкзак немного еды и воды. Мать сунула ей в руки перцовый баллончик, на всякий случай.

Попрощавшись, Рида долго спускала велосипед с 45-го этажа. Лифты не работали, ступени были тёмными, было душно. Система вентиляции не работала, распространяя по подъезду странные запахи.

«Так пахнет конец света», — мелькнула горькая мысль.

Мир изменился. Повсюду валялся мусор, который никто не убирал, — эко-пакеты шелетели на ветру, обломки гаджетов хрустели под ногами, осколки стекла блестели, как острые зубы. Люди передвигались с опаской, перебежали от укрытия к укрытию. Вдали маячили фигуры военных в бронезилетах, слышался лязг оружия и отрывистые команды. Увидев велосипед Риды, прохожие тарасились на неё с удивлением, будто она ехала на доисторическом животном. Кто-то даже присвистнул, кто-то перешёптывался за спиной.

Когда она добралась до аэропорта, перед ней открылась ужасная картина. Недалеко лежал рухнувший «Боинг», он всё ещё дымил. От него тянуло горелой резиной и металлом, в воздухе висел едкий запах топлива. Издалека она не видела, были ли там люди, но видела разбросанные спасательные капсулы, наглухо закрытые и без видимости парашютов. *«Система безопасности не сработала, потому что все на гребаной электронике. Надеюсь Амелия выжила, даже если самолет упал. Конечно выжила, эта женщина не может вот так просто умереть, она слишком противная, чтоб уйти из жизни так просто».*

Сердце забило быстрее, когда она подошла к огромным крутящимся дверям разбитым, перекошенным. Внутри кипела отчаянная суета: люди искали родных, кто-то кричал, кто-то плакал, голоса сливались в единый гул отчаяния. Табло с названиями рейсов не светилось лишь тёмные экраны, напоминающие о потерянном мире. За стойкой оставались работники, окружённые толпой.

Рида подошла ближе, но пробиться вперёд было невозможно. Администратор у стойки выглядела потрёпанной, в грязной одежде, она что-то пыталась объяснить людям, её голос срывался от усталости. Рядом с ней стоял охранник, пытаясь утихомирить толпу, слышались ругательства, скрип ботинок по полу, тяжёлое дыхание.

Вдруг Рида услышала:

— Боинг с-445 из Аквасити не приземлился, и мы не знаем, где он. Все приборы вышли из строя.

«Значит, никакой информации. Придётся искать самим, но нужно в начале найти отца», — решила Рида. Она поняла, что тут ей не помогут.

Рида вышла из аэропорта, взяла велосипед и вдруг почувствовала, как её кто-то отпихнул.

— А ну отвали! — рявкнул мужчина в строгом костюме. Его голос прозвучал резко и истерично. Он схватил её велосипед, но спустя несколько метров бросил, не смог справиться с педалями.

«Придунок, не умеешь — не берись. Догнать бы, и баллончиком в рожу брызнуть. Чтоб тебя Оптитум обнулел... Хотя какой там Оптитум. Оптитума самого обнулили», — зло подумала Рида усмехаясь, поправляя рюкзак.

Рида выругалась в слух, села на велосипед и поехала на работу к отцу.

•————— ♪ —————•

Глава 5. Амелия. Упавший Боинг

Боинг летел уже три часа, монотонный гул двигателей убаюкивал, за иллюминатором проплывали пушистые облака, а стюардессы разносили напитки. Эрик сидел рядом то и дело целуя ее руку. Амелия как раз отхлебнула кофе, когда всё пошло не так.

Сначала погасли экраны, с тихим щелчком, будто кто-то щёлкнул выключателем. В салоне повисла тревожная пауза: смех оборвался на полуслове, разговоры стихли. Затем раздался резкий скрежет металла, звук, от которого по спине пробежал ледяной озноб. Двигатели захлебнулись, самолёт резко пошёл вниз, и в тот же миг салон наполнился криками: кто-то молился, кто-то в панике просто кричал, кто-то хватался за подлокотники, будто это могло помочь.

Воздух наполнился запахом озона и страха, с примесью металлического привкуса во рту, от которого перехватывало дыхание. Сиденье под Амелией дрогнуло, казалось пол ушёл из-под ног.

— Мы падаем, держись! — Эрик схватил её за руку, когда самолёт резко накренился. Его пальцы были ледяными и твёрдыми, словно камень, а в глазах читалась тревога.

Система безопасности сработала почти сразу: раздался оглушительный скрежет металла, свет моргнул, сигнала тоже не было. В темноте Амелия ощутила, как всё идёт не так, как должно. Через несколько секунд отсек с пассажирами с грохотом отделился от фюзеляжа. Капсула начала падать, и по инструкции через несколько секунд должны были раскрыться парашюты... Но ничего не произошло.

Тишина длилась мучительно долго. Затем вдруг резкий рывок, треск креплений. Сработал только один парашют... Капсула под тяжестью груза повисла не поперёк, а носом вниз, раскачиваясь, как маятник судьбы. Скорость падения немного уменьшилась, но они всё ещё стремительно неслись к земле.

Амелия, вжималась в кресло так сильно, что кости, казалось, вот-вот треснут.

Перегрузка вдавила в сиденье, в ушах больно зазвенело, а желудок будто подпрыгнул к горлу, вызывая приступ тошноты. Амелия зажмурилась изо всех сил, будто это могло защитить

их от неминуемого. В тот же миг с тихим хлопком выскочили кислородные маски, Амелия и Эрик тут же натянули их на лица. Холодный воздух с лёгким запахом пластика ударил в ноздри.

«*Мы падаем. Мы всё ещё падаем!*» — паника захлестнула её, сдавила грудь, мешала дышать. Но она заставила себя сосредоточиться: «*Дыши. Вдохни. Выдохни. Вдохни. Выдохни*». Ритм дыхания стал якорем в этом хаосе.

Второй парашют наконец натянулся до предела, стропы заскрипели, будто жаловались на непосильную ношу. Капсула дёрнулась, замедлилась, но всё равно опускалась слишком быстро, слишком резко, неумолимо приближаясь к земле.

— Всё будет хорошо, — шептала она, скорее себе, чем Эрику который ее не слышал. Её голос дрожал, ладони стали липкими от пота, а сердце билось так сильно, что, казалось, его удары отдавались в висках. — «*Мы выживем. Мы должны выжить*».

Капсула ударилась о землю с такой силой, что у Амелии зазвенело в ушах, а зубы клацнули друг о друга, будто кто-то щёлкнул челюстями прямо у неё над головой. Наступила жуткая, оглушительная тишина, нарушаемая лишь стонами раненых, всхлипами и тихим шорохом осыпающейся земли. В воздухе повисла густая пыль, она оседала на губах, вызывая сухой, царапающий кашель, забивалась в нос, мешала дышать, оседая на ресницах и превращая мир в серое марево.

Амелия моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд. Мир вокруг расплывался, в висках стучала кровь, а в ушах всё ещё стоял гул падения. Она резко повернулась к Эрику, тот сидел без сознания, из раны на голове текла тёплая кровь, оставляя тёмную дорожку на щеке, медленно впитываясь в воротник рубашки. Скорее всего одно из сидений оторвалось и ударило его по голове.

— Эрик! — Амелия трясла его за плечи, её пальцы испачкались в липкой крови. Паника подступала к горлу, но она сглотнула её, заставила себя дышать ровно. — Ты меня слышишь? Ответь мне!

Он не отвечал. В груди у Амелии всё сжалось от ужаса, но она твёрдо напомнила себе: «*Паника главный враг. Сначала помощь Эрику, потом всё остальное*».

Она знала: в капсуле есть отсеки с одеждой, провизией и медикаментами. Отстегнувшись, Амелия с трудом поднялась на ноги. Старалась не смотреть по сторонам, чтоб не пугать себя ещё больше. Среди разбросанных кресел и обломков, торчащих пружин и осколков пластика она увидела стюардессу: та уже пыталась открыть отсек с припасами, дёргая ручку снова и снова.

— Не открывается, — выдохнула стюардесса, её голос дрожал, а на лбу блестели капли пота.

Амелия бросилась к ней, упёрлась плечом в панель, надавила изо всех сил. Бесполезно. К ним подбежал огромный мужчина в порванной одежде, он дёрнул ручку так, что металл заскрипел, но отсек остался наглухо закрыт.

— Почему они не открываются? — голос Амелии сорвался, в нём звучала отчаянная надежда.

— Я не знаю, — стюардесса вытерла пот со лба, её руки дрожали. — Все закрыты, и нет света... Так не должно быть. В системе сбой.

«*Запасной выход. Должен быть запасной выход или аварийный набор*», — лихорадочно думала Амелия. Она метнулась к другому отсеку, но тот тоже был намертво заперт. Третий, четвёртый — та же история. Паника нарастала, но она загнала её вглубь, сжала кулаки и огляделась в поисках хоть какой-то подсказки.

Сердце колотилось где-то в горле. Амелия бросилась обратно к Эрику. Сорвала с себя юбку, оторвала огромный кусок ткани и аккуратно обмотала голову мужа, стараясь остановить кровотечение.

— Эрик! Эрик... — она похлопала его по лицу, стараясь не дать панике захватить себя.
— Очнись, пожалуйста!

— Амелия... — наконец простонал он, приоткрывая глаза. — Голова... очень болит.
Его голос звучал глухо, будто издали, а взгляд был расфокусированным.

— Ничего, ничего, главное, что ты жив, — Амелия сглотнула ком в горле.

Вскоре стало ясно, что большинство людей при посадке погибли. В каждом современном «Боинге» было по четыре капсулы, в каждой, по шестьдесят человек. Выжило около двадцати. Капсула должна была защищать от холода, и воды, если бы упала в воду. Должна снабжать провизией, и одеждой, но отсеки были электронными, и не открывались.

Все телефоны и коммуникационные браслеты, линзы, одежда и все что было связано с электроникой, не работали.

К счастью, дверь капсулы оказалась автоматической и без труда открылась, явив им вид на снежную равнину. Они упали в горах, вокруг высились белоснежные пики, пронзающие серое небо, а под ногами простиралось бескрайнее белое полотно, испещрённое тёмными трещинами. Температура опустилась до -2°C , и мороз пробирал до костей: пальцы немели за считанные минуты, дыхание вырывалось белыми клубами пара, а кончики ушей горели от холода. В одном свитере было невыносимо холодно.

—## ——— (†) ——— —##—

Несколько часов они сидели в капсуле, ёжась от холода и тесно прижавшись друг к другу. Здесь, по крайней мере, не было ветра. Они пытались разжечь огонь, но система вентиляции вышедшая из строя не помогала и всё тут же заполнялось едким дымом. Приходилось открывать дверь, но из-за сквозняка пламя никак не могло разгореться как следует.

Помощь всё не приходила. После крушения спасатели обычно прибывали в течение двух часов, а прошло уже четыре. Так они провели целую ночь, чудом не замёрзнув.

— Нам нужно уходить отсюда, — произнёс мужчина, который представился Томасом. Ему на вид было около тридцати лет, но Амелия точно знала, что ему больше. Он был с выправленной осанкой, с пронзительным взглядом и казалось был сосредоточен сильнее других. Его дыхание вырывалось частыми белыми клубами, а лицо было бледным — почти таким же белым, как снег вокруг. Он поёжился и обхватил себя руками, пытаясь сберечь остатки тепла.
— Оставаться здесь опасно. Если мы не двинемся с места, то просто замёрзнем.

— Но нам нельзя уходить! — возразила стюардесса Наоми. — Помощь вот-вот придёт.

— Никто не придёт, — твёрдо сказал Томас. — Прошло уже около десяти часов. Нас либо не могут найти, либо... нас вообще никто не ищет.

Он замолчал на мгновение, прислушиваясь к протяжному, зловещему вою ветра, который пронёсся между горными хребтами, словно предупреждая об опасности.

— Но Эрик... он не сможет идти сам, — Амелия с тревогой посмотрела на мужа. Её зубы уже стучали от холода, а руки дрожали так сильно, что она с трудом удерживала ткань, которой перевязывала рану. Пальцы почти потеряли чувствительность, и каждое движение давалось с усилием.

— Я помогу, — кивнул Томас. Он подошёл ближе, расправил плечи, хотя его собственные руки тоже дрожали от холода. — Мы его дотащим.

Его голос звучал твёрдо, уверенно будто он сам верил в то, что говорил, и пытался передать эту уверенность остальным.

Им пришлось снять одежду с умерших, чтобы не умереть самим от холода. Амелия застыла на мгновение, глядя на безжизненное тело женщины в стороне. Та была примерно её комплекции, светлый свитер с высоким воротом, плотные шерстяные штаны. Внутри всё сжа-

лось от боли и стыда, но реальность была жестокой: либо они возьмут эту одежду, либо сами станут следующими.

Амелия опустила на колени, стараясь не смотреть в застывшие глаза. Руки дрожали, когда она аккуратно расстегнула пуговицы свитера. Она решила, что никогда этого не забудет, и была благодарна посмертно той женщине, у которой взяла свитер и штаны. На мгновение ей показалось, что ветер донёс тихий шёпот в ответ, или это просто игра воображения? Так же ей кто-то передал платок, сложенный в несколько слоев, чтоб надеть на голову.

Они подняли Эрика, поддерживая с двух сторон, и побрели прочь от разбитой капсулы. Горы вокруг были суровыми и неприветливыми, покрытые снегом и скалистыми выступами, они высились над ними, словно молчаливые стражи, наблюдающие за их мучительным продвижением. Ветер пронизывал до костей, он свистел в ушах, забирался под одежду, заставляя тело содрогаться от холода. Под озябшими ногами хрустел снег, а камни скользили, угрожая уронить их в любой момент.

Каждый шаг давался с трудом. Амелия чувствовала, как силы покидают её, как холод сковывает мышцы, а усталость наливает ноги свинцом. Но она упрямо шла вперёд, сжимая руку Эрика и стараясь не обращать внимания на ледяные иглы, пронзающие пальцы.

Томас, идущий с другой стороны от Эрика, бросил на неё короткий взгляд и едва заметно кивнул без слов, но она поняла: он тоже не собирается сдаваться.

Впереди, на горизонте, виднелась тёмная линия возможно, лес или скальные выступы. Надежда, тонкая и хрупкая, как паутинка, затеплилась в груди.

«Как мы вообще выживем здесь? — думала Амелия, сжимая зубы от боли в онемевших пальцах. — Без еды, без тепла, с ранеными на руках». Ей это напомнило студенческие годы. Там они учились выживать в условиях космоса, но сейчас Амелии казалось, что даже космос был лишь игрушкой в сравнении, с неприветливым климатом гор.

— Ещё немного, — уговаривала она сама себя, чувствуя, как дрожат руки от усталости и холода.

— Куда вы летели? — решил разбавить атмосферу Томас. Его голос прозвучал чуть громче, чем нужно, будто он пытался перекрыть гул ветра и собственные мрачные мысли.

Амелия ответила не сразу. Она смотрела перед собой, но видела не заснеженные склоны и не изорванные остатки капсулы позади, перед глазами всплывали образы родных: отца с его доброй улыбкой, матери, которая всегда волновалась из-за каждой мелочи, и сестры... Сложный характер сестры всегда давал о себе знать, в детстве она забиралась на крыши гаражей, в подростковом возрасте убегала из дома на всю ночь. Амелия невольно сжимала кулаки: *«Что с ней сейчас? Где она? Наверняка они собрались у родителей и ждут их приезда».*

— Мы летели к моим родителям, — наконец ответила она, стараясь говорить ровно. — У отца сегодня юбилей, 45 лет. Мы хотели устроить сюрприз... — её голос дрогнул, и она поспешила добавить: — А вы?

— Я летел по работе, — Томас пожал плечами. — Часто летаю, а такое... впервые. — Он усмехнулся, но смех получился горьким и натянутым.

Амелия попыталась улыбнуться в ответ, но, бросив взгляд на полуживое лицо Эрика, почувствовала, как паника снова подступает к горлу. Его кожа была бледной, почти серой на фоне снега, а дыхание прерывистым. *«Он теряет слишком много крови. Нужно срочно найти помощь».*

Заметив её состояние, Томас поспешил сменить тему:

— Я вообще люблю кататься на лыжах, — сказал он чуть бодрее. — Они были бы сейчас кстати, правда? Вы катаетесь на лыжах?

Амелия потрясла головой, не в силах выдавить даже формального «нет». В этот момент к ним подошёл парень лет двадцати, худощавый, в порванной куртке, но с удивительно спокойным взглядом. Он представился Крегом.

— Давайте я помогу, — предложил он, осторожно беря Эрика с другой стороны. — Я могу его поддержать, у меня опыт, я в больнице волонтером работал, немного разбираюсь в первой помощи.

Амелия почувствовала, как камень падает с души. Благодарность переполняла её, она едва не расплакалась, но сдержалась, лишь кивнула с признательностью:

— Спасибо... Спасибо вам.

Она передала Эрика парню, убедившись, что тот надёжно его держит, и поравнялась с Томасом. Тот ободряюще подмигнул ей:

— Видите? Всё наладится. Мы выберемся.

Амелия заметила, что парень сильно хромотает, но не смотря на это, все же предложил свою помощь.

Они продолжили путь, теперь чуть быстрее парень действительно знал, как правильно поддерживать раненого, распределяя нагрузку. Ветер не утихал, но Амелия уже не чувствовала его так остро.

Спустя час блужданий, когда силы уже почти оставили всех выживших, они заметили тёмный провал в скале, пещеру. Внутри оказалось чуть теплее, а главное сухо. Воздух здесь пах землёй и мхом, а не ледяным ветром снаружи. Из глубины доносились голоса, трещало пламя костра. Кто-то выживал здесь до них — и, возможно, был готов помочь.

— Смотрите, — прошептал Крег, поддерживавший Эрика. — Там огонь, может там другие выжившие с самолета?

Амелия подняла глаза и увидела отблески пламени на стенах пещеры. Тёплые, манящие, они казались чудом после бесконечного холода и снега.

|##————— (+) —————##|

Глава 6. Виктор Настоящее. После Катастрофы. Лаборатория «ЭО Технологии»

— Я больше не могу, мне нужно поспать, — выдохнула Анна, кладя голову на холодный металлический стол. Металл приятно остужал разгорячённую кожу, она ощутила, как напряжение понемногу отпускает мышцы, а лёгкий озноб пробежал по спине. В ноздри ударил резкий запах стерильности, смешанный с едва уловимым металлическим привкусом воздуха. — Я хочу к детям...

Виктор, который всё это время неотрывно смотрел в монитор, вдруг осознал, что уже не понимает, что именно видит на экране. Строки кода сливались в бессмысленные узоры, расплывались перед глазами. Он поднял взгляд на Анну и сердце сжалось. Её волосы спутались в бесформенный комок, тушь размазалась под глазами, оставив тёмные следы, а лицо, обычно такое живое и энергичное, вдруг стало выглядеть на десять лет старше. В воздухе повисла тяжёлая, вязкая усталость будто сам кислород стал гуще.

«Она же совсем на пределе, — пронеслось в голове Виктора. — Как и я. Сколько мы уже без сна? Тридцать часов? Сорок? А дети Анны... Они ведь совсем маленькие. Она, наверное, с ума сходит от тревоги за них».

Остальные люди, были в отдыхающих комнатах, чтоб сменить других через несколько часов.

По всему помещению мерцали газовые лампы, тусклый, дрожащий свет, который мог погаснуть в любой момент. Он отбрасывал неровные тени на стены, заставляя их дёргаться, словно живые. В ушах Виктора зазвучал новый звук — тихое, почти незаметное гудение, он знал от куда этот звук, и пытался все уладить.

Никто не знал, на сколько ещё их хватит, но пока приходилось довольствоваться тем, что есть. Виктор с досадой пнул стул, тот с резким скрипом проехался по полу, эхом отдавшись в тишине. Он направился к выходу и в коридоре почти столкнулся с Маркусом.

— Маркус, мы больше не выдержим,пусти хотя бы Анну, — произнёс Виктор, чувствуя, как усталость наливает мышцы свинцом, а веки тяжелеют с каждым мгновением. В горле пересохло, и каждое слово давалось с усилием.

— Я не могу отпустить вас домой, Дайнер, просто не могу... — Маркус говорил тихо, но твёрдо. В его глазах читалось искреннее сожаление, однако правила оставались правилами. — Вы не можете покинуть объект и все, кто участвовал в эксперименте, не должны контактировать с внешним миром до завершения протокола. Идите в комнаты отдыха, примите душ, выпитесь, — продолжил Маркус. — Через несколько часов я жду вас на месте.

— У меня там семья... — прошептал Виктор, и голос его дрогнул. Он уловил сильный запах пота и стресса, исходящий от Маркуса, тот видимо тоже был на пределе.

Маркус взглянул на него из-под ресниц.

— У меня тоже, Виктор... Но я не бегая и не скулю об этом, а пытаюсь что-то сделать.

Внезапно из дальнего конца коридора донеслись крики и шум борьбы резкие, прерывистые звуки, нарушившие гнетущую тишину. Маркус и Виктор переглянулись и бросились на звук.

В конце коридора трое охранников с трудом удерживали вырывающуюся девушку. У одного из них была разбита губа, а у другого исцарапана рука.

— Что здесь происходит?! — рявкнул Маркус, но, разглядев лицо девушки, резко повысил голос: — Вы пустоголовые идиоты! Как вы допустили, что она проникла внутрь?! Я же чётко сказал: никого не впускать и не выпускать!

— Она влезла через вентиляцию, — оправдывался один из охранников. — Винты не работают, мы заметили её только во время обхода.

Рида, увидев отца, рванулась из рук охранников и бросилась к нему. Виктор крепко сжал дочь в объятиях, чувствуя, как её тело дрожит мелкой дрожью, как часто и прерывисто она дышит. Он уловил запах её волос, тот самый, с нотками шампуня, который так напоминал ему о доме.

— Рида, что ты тут делаешь? — хрипло спросил Виктор, не сдерживая свою радость.

— Я искала тебя, — ответила она, уткнувшись ему в плечо. — Мама места себе не находит... И мы потеряли связь с Амелией.

Тело Виктора окаменело, он услышал нотки беспокойства в голосе Риды. Никто ему не говорил, что Амелия приедет, ведь это должно было быть сюрпризом.

— Сейчас нигде нет связи, Рида, — произнёс он как можно спокойнее, стараясь унять дрожь в голосе.

Но дочь отстранилась и взглянула ему прямо в глаза.

— Я... — начала она, запнувшись. — Они в этот момент летели к нам...

Глаза Виктора вспыхнули огнём. Кровь прилила к лицу, застучала в висках, а руки непроизвольно сжались в кулаки. *«Летели? — внутри всё оборвалось. — Самолёт? Вертолёт? Где они были? Где сейчас? А если...»*.

— Что?! — резко переспросил он.

Рида лишь кивнула. Не раздумывая, Виктор схватил её за руку и рванул к выходу, но путь преградила охрана. Он резко обернулся к Маркусу:

— Виктор, я не могу... — начал тот.

Но Виктор уже подлетел к нему, позабыв про субординацию. Он схватил Маркуса за грудки и притянул к себе, несмотря на то, что Маркус был почти на голову выше. Виктор чувствовал, как под пальцами напрягаются мышцы Маркуса, как тот сдерживает себя.

— Мы все тут по твоей вине, Маркус! И по моей! Там моя дочь, и чёрт возьми, я не буду сидеть тут и решать эти проклятые проблемы, пока не буду знать, что мои родные в безопасности! Хочешь остановить меня? Тогда тебе придётся меня убить!

Маркус замер, потом медленно разжал руки Виктора, поправляя свою одежду, прикрыл глаза. Несколько долгих секунд он молчал, вслушиваясь в прерывистое дыхание Риды, и собственное сердцебиение. Затем кивнул:

— В подвале есть бронированные механические машины на бензине, он глубокий, там вся техника уцелела. Военные вас не тронут. И возьми спутниковый телефон, чтобы я знал, где тебя найти.

Виктор ответил лишь коротким кивком, затем резко развернулся и зашагал прочь, не оглядываясь. Рида бросилась за ним, едва успевая переставлять ноги.

Они спустились в подвал, нашли огромный шкаф с различными устройствами. Схватив спутниковый телефон направились к массивной двери гаража.

Когда та наконец открылась, перед ними предстала внушительная колоннада: около двадцати чёрных бронированных машин, выстроенных в безупречные ряды. Их угловатые формы казались почти инопланетными в приглушённом свете. Виктор уверенно подошёл к одной из машин и распахнул дверь. Ключи, простые железные, а не модные магнитные, не привычно торчали в замке зажигания.

Риде пришлось приложить усилие: она медленно, с натугой, вращала ручку подъёмника, поднимая тяжёлые ворота гаража. Механизм сопротивлялся, издавая глухой скрип.

— С ума сойти, — прошептала Рида, с изумлением оглядывая салон бронированного автомобиля, когда уселась в него. Она провела рукой по грубой обивке кресла, вдохнула запах кожи и металла, смешанный с лёгким ароматом машинного масла. — Не знала, что ваша организация настолько серьёзная.

— Я и сам не знал, — отозвался Виктор улыбаясь дочери, заводя двигатель.

Машина рыкнула мотором и выехала из подвала. По дороге им никто не препятствовал, даже прохожие шарахались в стороны. В городе не работала ни одна машина: электромобили замерли на улицах, дроны и роботы валялись по всюду. Транспорт на традиционном топливе давно стал редкостью, пережитком прошлого, но именно он сейчас давал им шанс. Виктор ощутил, как вибрация двигателя передаётся через руль в ладони, как воздух в салоне становится чуть теплее, а за окном мелькают очертания опустевшего города. Сидя там, в лаборатории, он не видел своими глазами уровень катастрофы. «Что же я наделал, — думал Виктор. — Я все разрушил...»

Когда они приехали домой, там их ждала Неллин. Она бросилась к мужу, но уже не так, как в первый раз, когда увидела Риду: тогда она рыдала, задыхалась от слёз, сжимала дочь в объятиях. Теперь в её глазах стояли слёзы, но она держалась. Руки дрожали, но голос звучал твёрдо.

— Ты жив... — прошептала она, прижимаясь к груди Виктора. — Вы оба живы. Не ранены?

Он обнял её, чувствуя, как напряжение в теле понемногу отпускает. Но мысли о дочери, грызли словно цепные псы.

— Все в порядке, — сказал Виктор, набирая воздух полной грудью. В доме пахло дымом и чем-то домашним, кажется, Неллин пыталась что-то приготовить. Неллин готовила редко, за нее все делала автокухня. Окна дома были зашторены, а на подоконнике горела одинокая свеча.

Они решили действовать завтра на рассвете, начать поиски самолёта Амелии. Сейчас Виктор был измождён: мышцы ныли, веки слипались, а в голове всё ещё звучали обрывки разговоров, крики, и то странное гудение. Он едва дошёл до дивана, упал на него и почти мгновенно уснул.

Когда Виктор наконец уснул, Рида тихо вышла из комнаты и прошла на кухню. Неллин грела чай на газовом фитиле, военные выдали их всем желающим вместе с несколькими баллонами газа. Рида даже удивилась, как мать со своей ногой умудрилась спуститься с 45 этажа, достать провизию, не побоявшись. Она в глубине души знала, мать сильная женщина, и на многое способна. Оракул притуплял ее особенности, а она этого не хотела понимать. С виду Неллин была хрупкой и нежной женщиной.

Пламя дрожало синим цветом, отбрасывая блики на беспокойное лицо матери. Рида взглянула на развернутую инструкцию, которая лежала на столе, там было написано, как пользоваться фитилем и газовым баллоном.

— Ты тоже должна поспать, — сказала Рида, — мы все должны, уставшие мы Амелию не найдем.

Мать лишь быстро закивала, пытаясь унять снова поступившие слезы.

— Он ничего мне не рассказывал, — тихо продолжила Рида, глядя на мать, — но я думаю, что случившееся, вина их компании...

Неллин вздохнула, нервно сняла кастрюлю с фитиля. Металл скрипнул, и звук эхом отозвался в тишине. Она разлила чай, подала кружку Риде.

— Я всегда говорила, что не доведёт до добра эта его мания, — отозвалась она. — Когда семья Хокингов пропала, после того, как Рой рассказал своей жене о том, что они делают, он пообещал мне, что доделает последний проект и уйдёт. Но этот проект затянулся на пять лет. С каждым днём он приходил мрачнее обычного, а потом и вовсе оставался неделями на работе.

Неллин говорила уже со спокойствием, казалось она выплакала все эмоции, и даже на злость у неё не хватало сил.

— Он во всём разберётся, — сказала уверенно Рида, подбадривая этими словами и себя и мать.

— Конечно, разберётся, — кивнула Неллин. — У него нет выбора.

На следующее утро их всех разбудил резкий звук спутникового телефона. Звонил Маркус. Виктор схватил трубку, слушая, что ему говорят, на его лице появилась злость.

— Я не могу Маркус, — сказал Виктор, — Я еще не нашел дочь.

Но Маркус, что-то сказал ему, от чего лицо Виктора вытянулось в ужасе.

— Хорошо, я приеду.

Он скинул звонок и медленно обернулся. Рида и Неллин уже стояли рядом, ожидая, что он скажет.

— Мне нужно вернуться, — произнёс Виктор глухо. — Прямо сейчас...

— Как ты можешь вернуться в такой момент?! — прокричала Неллин, и в её голосе прорвалась вся боль, вся тревога последних дней. — Наша дочь неизвестно где, неизвестно, жива ли она, и в этом виноват ты, только ты! А ты собираешься даже сейчас выбирать работу?!

— Неллин, послушай... — начал было Виктор, но она его перебила:

— Нет, я не хочу ничего слушать! Если ты выйдешь в эту дверь, то можешь навсегда забыть о том, что у тебя есть семья!

Виктор сделал шаг к ней, протянул руку, но Неллин отшатнулась. Её глаза сверкнули не злобой, а отчаянием. *«Как же больно, — сердце сжалось от острой, почти физической боли. — Я не хочу уходить. Я хочу остаться здесь, с ними, защитит их, найти Амелию вместе. Но если я не вернусь, если не закончу то, что начал, всё рухнет. Мы все погибнем. Амелия, Рида, Неллин... Они умрут, потому что я не смог предотвратить катастрофу, потому что я ее причина».*

Он замер, сжал кулаки, потом резко развернулся к Риде. Подошёл, обнял её крепко, почти до боли.

— Береги их, Рида, — прошептал он ей на ухо. — Я люблю тебя Рида, и тебя люблю Неллин, простите меня...

С этими словами он вышел за дверь. Неллин упала бы на колени, но протез застывший в прямом состоянии, не дал ей этого сделать. Она снова зарыдала, на этот раз беззвучно, сжимая кулаки, будто пытаясь удержать что-то, что уже ускользнуло. Рида подошла к ней, помогла дойти до дивана и опустилась рядом, обняла за плечи.

За окном начало светать. Первые лучи рассвета пробивались сквозь шторы, но в комнате было по-прежнему холодно. Рида крепче прижала к себе мать и прошептала:

— Мы найдём её, найдем...

Виктор шёл по пустынной улице, сжимая в кармане спутниковый телефон. *«Я вернусь, — твёрдо решил он. — Как только разберусь с этим. Как только остановлю угрозу. Я вернусь к ним».*

Глава 7. Амелия. В плену стихии.

В глубине пещеры сидели люди, туристы, которые пришли в эти пещеры полюбоваться на виды и тоже застряли. Они поделились едой, дали термо-одеяла и помогли расположить Эрика. Пламя трещало, бросая тёплые оранжевые отблески на стены, и постепенно холод отступал.

— Спасибо, — выдохнула Амелия, закутывая Эрика потеплее. Тут пахло дымом и чем-то домашним. — Вы спасли нас.

— Мы все теперь одна команда, — улыбнулся один из туристов. — Меня зовут Марк кстати.

Его крашенная в синий борода была в инее, но голубые глаза светились добротой. Он дал Амелии аптечку и та обработала и зашила рану мужу.

Когда дело было сделано, Амелия огляделась и заметила пожилую пару в углу пещеры. Мужчина поддерживал женщину, у которой была сломана нога. Ей уже оказали первую помощь, но сделали это неправильно: импровизированная шина болталась, а нога была зафиксирована под неправильным углом. Кожа женщины была бледной, а губы дрожали от боли, каждый вздох давался ей с трудом.

— Я могу помочь, — подошла к ним Амелия, стараясь говорить спокойно и уверенно. — Я врач.

Пожилая женщина улыбнулась сквозь боль, а её муж, высокий седовласый мужчина с глубокими морщинами вокруг глаз, и крашеными усами, добродушно сказал:

— Я Альфред Морис, а это моя жена Эвелин Морис. Спасибо, дорогая.

Амелия опустилась на колени рядом с Эвелин. Та попыталась улыбнуться, но гримаса боли исказила её лицо.

— Сейчас будет легче, — пообещала Амелия.

Она осторожно сняла старую шину, стараясь не причинить лишней боли. Пальцы не слушались от холода, но она сосредоточилась на каждом движении. Нашла несколько прочных веток, взяла шарф, который ей дал Марк и аккуратно наложила новую шину, тщательно зафиксировав ногу в анатомически правильном положении.

— Так будет легче, — сказала она, заканчивая. — Постарайтесь не двигать ногой. Через пару часов отёк спадёт, станет комфортнее.

— Вы настоящий ангел, — прошептала Эвелин, сжимая руку Амелии. Её ладонь была сухой и тёплой, а хватка неожиданно крепкой. — Спасибо. Я уже думала, что останусь калеккой...

Альфред благодарно кивнул:

— Мы в долгу перед вами. Если что-то нужно — обращайтесь. — Его голос дрогнул, а в глазах блеснули слёзы. — Мы ведь даже не знаем вашего имени.

— Амелия Харис, — улыбнулась она, после показала на Эрика, который лежал напротив.
— А это мой муж Эрик Харис.

— Что произошло? — наконец спросила Амелия, внимательно глядя на стариков. — Как вы здесь оказались?

— Мы и сами не знаем, — вздохнул Альфред. — Вся электроника отключилась, мы остались без связи. Мы с Эвелин были в горном туре, хотели встретить юбилей свадьбы в тишине и красоте этих мест. Началась метель, наш проводник вышел, чтобы поймать связь, и... исчез. Мы пытались его искать, но быстро потеряли ориентиры. Благо, наткнулись на эту пещеру. А потом пришли вы.

Все уже знали, что они с упавшего самолёта, поэтому Альфред лишь с сожалением взглянул на девушку:

— Примите мои искренние соболезнования по поводу остальных пассажиров...

— Спасибо, — тихо ответила Амелия, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— А мы не встречались с вами раньше? — вдруг спросил Альфред, вглядываясь в лицо Амелии. — Ваше лицо кажется мне удивительно знакомым.

Амелия задумалась, пробежавшись взглядом по чертам лица старика.

— Боюсь, что нет, — сказала она наконец.

— В любом случае, сама судьба свела нас тут, — ответил старик, мягко улыбнувшись ей.
— И, кажется, не просто так.

Он заметил на одежде Амелии знак бесконечности.

— Вы Диссидентка? — удивился Альфред. Амелия взглянула на свой свитер, который сняла с мёртвой женщины, а потом увидела у Альфреда и Эвелин знак бесконечности на вещах.

— Ах нет, свитер не мой, я Пуристка, как и мои родители, но не углубленная, обращаюсь к Оракулу, только по самым важным вопросам. Моя мама углубленная Пуристка, и шагу без него не ступит.

Амелия улыбнулась ему, а Альфред казалось немного расстроился, но все же сказал:

— Не важно какой веры человек, главное, чтоб сердце его было добрым.

Амелия улыбнулась ему шире, но значок снимать не стала, в память о той, имени которой она никогда не узнает.

В этот момент Томас разжёт костёр сильнее, искры взлетали к потолку пещеры, а пламя трещало и шипело, отбрасывая тени на стены. Марк раздал ещё термо-одеял, что остались в его рюкзаке.

Эрик все еще не пришел в себя, но его лицо стало розовым, что радовало Амелию. Она прошла, чтоб оказать помощь другим людям, и спустя час, наконец-то уселась рядом с Эриком, возле костра, грея озябшие руки.

Томас сидел рядом, глядя на Амелию. Пламя костра отбрасывало пляшущие тени на его лицо, подчёркивая небольшие морщинки у глаз и усталый изгиб губ. Теперь Амелия рассмотрела его получше, темно-зеленые глаза, рыжеватые, немного с кудрей волосы, завязанные в узел на голове, выбритые виски. Томас был афроамериканец, но казалось, что совсем отдаленно.

— Вижу, вы уже всех тут очаровали, — прошептал он, и в его голосе прозвучала неподдельная теплота.

Амелия улыбнулась и невольно взглянула на его руки, лежащие на коленях. Мезинцы Томаса были темно-багровыми, почти чёрными на кончиках — явные признаки обморожения. Кожа в некоторых местах потрескалась, а суставы выглядели опухшими.

— Вам тоже нужна помощь, — сказала она твёрдо.

— Ерунда, — отмахнулся Томас, пытаясь спрятать руки.

— Нет-нет, — Амелия покачала головой, её взгляд стал строгим. — Нужно оказать первую помощь, иначе вы лишитесь пальцев. Это очень серьёзно.

— Небольшая плата за то, что мы живы, — пожал плечами Томас, но в его глазах мелькнула боль, когда он пошевелил пальцами.

Амелия решительно поднялась, подошла к почти пустой аптечке, и начала в ней рыться. Нашла мазь от обморожения, тюбик был почти пуст, осталось всего несколько граммов. Не дожидаясь дальнейших возражений, она села рядом с Томасом и без разрешения схватила его руки.

— Вы помогли мне и моему мужу, — сказала она, аккуратно нанося мазь на поражённые участки. — Я помогу вам, хотите вы этого или нет.

Томас усмехнулся, но сопротивляться не стал. Он молча наблюдал за тем, как ловко и уверенно Амелия обрабатывает его пальцы, как бережно перематывает их куском чистой ткани, найденной в той же аптечке.

— Это сейчас редкость, встретить врача, а не робота, — произнёс он, слегка понизив голос.

В их мире все медицинские манипуляции уже давно выполняли роботы.

— Я училась в космической академии, — ответила Амелия, сосредоточенно завязывая узел. — Я космический врач. В условиях космоса на роботов надеяться нельзя: сбой системы, потеря связи, и ты остаёшься один на один с проблемой.

Томас задумчиво кивнул, его взгляд стал более уважительным.

— Вы летали в космос? — с искренним удивлением спросил он.

— Почти каждый свой рабочий день, иногда работаю в клинике на дне океана. — Амелия слегка улыбнулась, вспоминая. — Однажды пришлось оперировать мужчину прямо в невесомости на орбите Земли. Это было... непросто. Инструменты уплывали, кровь образовывала шарики, которые приходилось ловить. Но я все же считаю, что лучше работать на Земле — всё-таки привычнее.

— И как? Получилось? — Томас подался вперёд, забыв на мгновение о боли в пальцах. — Пациент выжил?

— Да, — кивнула Амелия. — Пациент выжил, полностью восстановился. Но я поняла одну вещь: в критический момент всё зависит от человека, от его навыков, выдержки, способности думать быстро и чётко. Роботы — это хорошо, но они не заменят человеческого опыта и интуиции.

Томас помолчал, глядя на свои перебинтованные пальцы.

— Прямо как сейчас, — сказал он. — Спасибо, доктор.

За пределами пещеры завывал ветер, швыряя в вход снежные хлопья. Но внутри становилось теплее, но не только от огня, но и от чувства единства. Они были чужими друг другу несколько часов назад, а теперь стали одной командой, борющейся за жизнь в этом суровом месте. Запах дыма, тепло костра, тихие разговоры — всё это создавало хрупкий островок безопасности среди ледяной пустоты.

Амелия посмотрела на собравшихся вокруг людей: на храброго Томаса, на заботливого Марка, на Альфреда и Эвелин, которые теперь перешёптывались о чём-то своём, на Эрика, который лежал неподвижно. И на всех остальных, имен которых, она даже не знает, тогда она почувствовала, что, возможно, у них действительно есть шанс выбраться отсюда живыми.

|## ————— (†) ————— ##|

Метель стихла лишь к утру, небо прояснилось, обнажив бледно-голубую бездну, а снег перестал кружить в бешеном танце. Воздух стал пронзительно чистым и холодным, каждый вдох обжигал лёгкие. В пещеру вошел Томас, бросая на всех свой взгляд.

— Пора двигаться, — голос его прозвучал уверенно, без тени сомнения, от его осанки веяло какой-то неуловимой выправкой. — Если пройти глубже в пещеру, с другой стороны выход.

Амелия невольно отметила про себя: он не спрашивал мнения, не предлагал вариантов, просто объявил решение, и люди невольно потянулись за ним. «Военный? — мелькнуло у неё в голове. — Или просто прирождённый лидер?»

Томас быстро распределил задачи: несколько мужчин занялись изготовлением носилок для Эрика и Эвелин из подручных средств, нашли несколько длинных веток, связали их обрывками ткани и ремнями; женщины собирали всё, что могло пригодиться в пути: обрывки веревок, куски пластика, остатки еды; кто-то разжёг небольшой костёр, чтобы согреться перед дорогой.

Эрик уже пришёл в себя, был бледный, но в сознании. Он пытался протестовать:

— Я могу идти сам, не надо носилок...

— Лежи и не геройствуй, — оборвал его Томас без злобы, но твёрдо. — Ты живой нужен своей жене, а не упавший где-нибудь в сугроб.

Эвелин же, выглядела плохо, и Амелия беспокоилась за нее. Сейчас она мало, что могла для нее сделать, но все же, ей хотелось помочь.

Они в начале прошли небольшой лесок, с которого носили хворост в пещеру, а после вышли на равнину. Мужчины по очереди несли носилки. Каждые полчаса происходила смена, те, кто устал, уходили в сторону, а их место занимали другие. Амелия шла рядом с мужем, то и дело проверяя повязку на его голове и температуру. Она мягко касалась его лба, поправляла одежду, укутывала теплее. Было холодно всем, но никто не жаловался.

Путь был тяжёлым. Снег проваливался под ногами, скрывая опасные ямы и камни. Солнце, хоть и светило ярко, почти не грело. Томас шёл впереди, выбирая маршрут, — он то и дело останавливался, вглядывался в местность, прислушивался к ветру. Его движения были чёткими, расчётливыми, будто он делал это не впервые. Никто из присутствующих не решались брать на себя командование, лишившись гаджетов, не имея карты на руках, они даже не знали где находятся.

Пока путники брели по заснеженному склону, Амелия невольно погрузилась в воспоминания детства. Перед глазами всплыла картина: ей лет пятнадцать, Рида — десять. Они находились в просторной гостиной их квартиры на 45-м этаже небоскрёба — панорамные окна открывали вид на огненный закат над мегаполисом Скайтек-Сити, а умный дом тихо напевал фоновый трек по выбору мамы. Роботы помощники сновали по квартире, выполняя ежедневные обязанности, в виде уборки, глажки, стирки и прочего.

Рида сидела на диване, уткнувшись в голографический планшет, она увлечённо собирала виртуального дракона из цифровых блоков, хмурия брови от усердия. Амелия подошла ближе, присела рядом:

— Красиво получается, — мягко сказала она.

Рида резко развернула экран к себе, загораживая картинку:

— Не мешай!

— Да я просто посмотреть хотела... — Амелия попыталась заглянуть сбоку. — Выглядит круто. Может, помогу?

— Тебе мама опять купила новый нейроинтерфейс, иди и уткнись в него, как ты любишь. — Рида вдруг отбросила планшет и вскочила. Её голос задрожал от обиды. — А мне опять только старую модель на день рождения! Потому что ты старшая, потому что ты «ответственная», потому что ты «пример подражания»!

— Но я же не просила... — начала Амелия.

— Конечно, не просила! — перебила Рида. — Но тебе всегда достаётся всё самое лучшее: новые гаджеты, комплименты учителей, мамины похвалы. А я — просто младшая. Запасной вариант в нашей семье.

— Это неправда, — Амелия почувствовала, как к глазам подступают слёзы. — Мама и папа любят нас одинаково.

— Тогда почему ты всегда лучшая? — голос Риды сорвался. — Почему ты первая получила доступ к школьному ИИ-ассистенту? Почему тебе разрешили ходить на курсы робототехники, а мне сказали «ты в этом не разбираешься»?

Амелия протянула руку, пытаясь коснуться сестры:

— Рида, давай я научу тебя программировать нашего домашнего робота. Покажу, как менять его задания. Мы можем делать...

— Не надо мне твоей помощи и подачек! — Рида отшатнулась. — Ты просто хочешь показать в очередной раз, какая ты умная. Как и всегда...

Она выбежала из комнаты, хлопнув дверью так, что сработал датчик безопасности и приглушил освещение. Амелия осталась сидеть на диване, сжимая в руках самый крутой стилус, который хотела подарить сестре «просто так». В горле стоял ком. Ей так хотелось быть ближе к Риде, делиться с ней всем — своими знаниями, и идеями. Но Рида словно возвела вокруг себя барьер, который не могли пробить ни просьбы, ни подарки, ни искренние слова.

Позже, вечером, Амелия услышала, как Рида спорит с родителями в соседней комнате:

— Вы её любите больше! Всегда её хвалите, а на меня только и можете, что ругать!

— Рида, это не так, — терпеливо объяснял отец. — Мы хотим, чтобы вы обе развивались в своём темпе.

Но Амелия тогда не поверила. Она злилась на родителей за то, что они не могут объяснить это Риде, не могут сделать так, чтобы сестра перестала чувствовать себя «второй». И ещё больше злилась на себя — за то, что не может найти нужных слов, за то, что невольно становилась причиной обид, сама того не желая.

«Почему мы не смогли быть ближе?» — думала взрослая Амелия сейчас, шагая рядом с Эриком. Воспоминание обожгло сердце, напомнив, как важно ценить тех, кто рядом, и говорить о чувствах вовремя. Амелия не была у родителей два года, и все эти два года она даже ни разу не созванивалась с Ридой. Та всегда не брала от нее трубки, и Амелия наконец-то сдалась перестав докучать.

Теперь, в этих суровых горах, где не было ни гаджетов, ни панорамных окон, ни умного дома, только снег, холод и люди, которым нужно выжить, на удивление, она боялась, что больше никогда не увидит сестру.

К вечеру, когда силы уже почти оставили группу, они заметили тёмное пятно на фоне белоснежного склона.

— Хижина! — крикнул один из мужчин. — Смотрите, там хижина!

Это действительно оказалось старое строение — покосившееся, с целыми стенами и дверью. Внутри было пусто, грязно, и ужасно тесно, но главное, здесь не дул пронизывающий ветер. Хижина была пережитком прошлого, создавалась из блоков, которые делались из мусора. Рядом стояло еще несколько таких, но те уже разрушились, и покрылись снегом.

— Разводите костёр, — скомандовал Томас. — Нужно просушить одежду и согреться. Кто-то должен осмотреть окрестности, вдруг найдём что-то полезное.

Люди оживились. Кто-то собирал сухие ветки, кто-то расчищал пространство, кто-то распределял скудные запасы еды. Вскоре в центре комнаты запылал небольшой костёр — его тепло было таким желанным, что все невольно придвинулись ближе.

Когда все немного погрелись и поели то, что удалось сберечь (сухари, остатки шоколада, соевые снеки), выпили кипятка, напряжение стало спадать. Люди начали переговариваться, делиться историями, даже смеяться над какими-то мелочами.

Амелия проверила Эвелин, у нее была температура, и нога выглядела нехорошо. Нужны медикаментов у них не было, и Амелия предполагала худшее. Завидев ее взгляд Альфред, лишь кивнул ей, поджав губы. Она нашла в аптечке остатки снотворного и дала их Эвелин, чтоб та хоть немного позабыла о боли.

После, Амелия села рядом с Эриком, поправила ему импровизированную подушку из куртки. Томас подошёл к ним с двумя кружками горячего напитка:

— Держите. Это просто кипяток, но лучше, чем ничего.

— Спасибо, — улыбнулась Амелия. — Вы так много сделали для нас.

Томас улыбнулся, кивнул и отошел в сторону, разговаривая с другими людьми.

Эрик резко сел гневно смотря на Томаса, морщась от боли, и бросил:

— Да, он так много сделал, прямо герой.

В его голосе прозвучала неприкрытая ревность. Амелия удивлённо повернулась к нему:

— Эрик, что с тобой? Сильно ударился, или перегрелся?

— Ничего. Просто смотрю, как ты ему улыбаешься. Как благодаришь. Как будто он — единственный, кто здесь что-то делает.

— Не говори глупостей, — Амелия почувствовала, как внутри закипает раздражение. — Он действительно помогает, если ты не забыл, именно он носит тебя везде. Мы бы без него и мили не прошли.

— Да и он всегда находит способ оказаться рядом с тобой, — прошипел Эрик. — Всё время рядом, всё время «помогает».

— Ты несёшь чушь, — она повысила голос. — Мы в горах, после катастрофы, пытаемся выжить, а ты устраиваешь сцену ревности?

— А что, не имею права? — он попытался встать, но голова закружилась, и он снова опустился на пол. — Я твой муж, между прочим.

— И именно поэтому ты должен доверять мне, а не устраивать истерику, — Амелия встала. — Сейчас главное выжить. Всё остальное потом.

Амелия отошла к окну, глядя в темноту. Она слышала, как там, за стенами хижины, завывает ветер — протяжно, угрожающе, будто сам горный дух предупреждал: «Не выходите. Не искушайте судьбу». Стекло слегка вибрировало от порывов, и она невольно прижала ладонь к ледяной поверхности, ощущая эту дрожь всем телом.

Она была благодарна тому, что они ещё живы. Что нашли укрытие. Что огонь в центре комнаты мягко потрескивает. Что Эрик рядом — пусть раненый, пусть раздражённый, но живой.

Её злило поведение Эрика, но она могла его понять. Он всегда тяжело переносил беспомощность: когда болел, когда что-то выходило из-под контроля. В такие моменты он словно терял опору, и вместо привычной уверенности в себе в нём просыпалась острая, колючая уязвимость — которую он маскировал раздражением, резкими словами, попытками взять верх даже тогда, когда физически не мог этого сделать.

Амелия помнила, как однажды, ещё до свадьбы, Эрик сломал ногу на тренировке. Три недели дома — и он превратился в ходячую бурю: огрызался на курьеров, спорил с врачом, отказывался от помощи. А потом, ночью, признался ей, что чувствует себя «как сломанная игрушка» — бесполезным и лишним. Тогда она просто села рядом, взяла его за руку и сказала: «Ты не сломан. Ты просто восстанавливаешься, мы все пройдем вместе».

Сейчас она пыталась унять бурю, бушующую внутри. Гнев на его слова, обиду за несправедливые упреки, тревогу за его состояние — всё это смешивалось в плотный комок, сдавливающий грудь. Но она глубоко вздохнула, медленно выдохнула, считая про себя до десяти, как учили на курсах первой помощи. Раз — вдох. Два — выдох. Три — расслабить плечи. Четыре — отпустить напряжение в шее. Пять — вспомнить: он не со зла. Шесть — он боится. Семь —

он любит её. Восемь — он нуждается в ней. Девять — она нужна ему сильнее, чем когда-либо. Десять — она справится.

Амелия повернулась от окна. Взгляд скользнул по лицам людей в хижине: кто-то дремал, завернувшись в кусок брезента, кто-то тихо переговаривался, кто-то чинил разорванную куртку. Томас стоял у противоположной стены, незаметно наблюдая за ней. Встретившись с ним глазами, она слегка кивнула — не благодарностью, не признанием, а просто как знак того, что она в порядке. Что держит себя в руках.

Затем она подошла к Эрику, опустилась рядом, он поднял на неё глаза, в них ещё читалась тень раздражения, но уже пробивалась усталость и что-то более глубокое: раскаяние, страх, нужда.

— Прости, — прошептал он. — Я не хотел...

— Я знаю, — она накрыла его руку своей. — Всё хорошо. Мы справимся.

|##————— (†) —————##|

Глава 8. Рида. Расставание

Когда дверь за отцом захлопнулась, Рида вздрогнула, звук отозвался тупой болью где-то в груди, а глухой удар дверного полотна эхом отозвался в тишине. Она никогда не считала себя любимым ребёнком, но сейчас, после его поспешного ухода, окончательно убедилась: он не любил не только ее, но и Амелию, и даже мать, никого. Отец выбрал работу даже тогда, когда был так им нужен.

Неллин сидя на диване, осторожно сняла протез и положила его рядом. Металл глухо стукнулся о пол, издав короткий, резкий звук. Она молча смотрела на него, сжимая и разжимая кулаки, в её глазах читалась горькая беспомощность. Рида молчала. Ей не хотелось делать матери ещё больше своими словами.

«Почему он так легко нас оставил? Разве мы не важнее какой-то ученой ерунды?» — думала Рида, чувствуя, как внутри всё сжимается от обиды.

Вдруг в дверь постучали тихо, но настойчиво, будто тот, кто стоял за ней, знал, что внутри кто-то есть. Звук вывел её из оцепенения.

Рида подошла к двери и бесшумно взглянула в глазок. Там стояли её сосед и друг детства Джейкоб и его мать Кортни. Рида открыла дверь и впустила их внутрь. В коридор проник прохладный воздух с подъезда, он принёс с собой запах сырости и мусора. Взгляд невольно скользнул по округлившемуся животу Кортни, Рида давно не видела их семью и не знала, что те ждут пополнения.

— Рида, рад, что ты в порядке, — сказал Джейкоб. Рида отметила про себя, что он стал гораздо выше и повзрослел: последний раз она видела его примерно год назад. В его голосе звучала непривычная твёрдость, а в глазах решимость, которой раньше не было. — У меня к вам просьба.

Неллин осталась сидеть на диване, внимательно глядя на гостей.

— Моя мама беременна и не может оставаться одна, а я должен найти отца, — продолжил Джейкоб, невольно сжав кулаки.

Рида переглянула с матерью. В голове вспыхнула мысль:

«Если Кортни останется тут, мама будет не одна. А я смогу найти Амелию...»

— Мы тоже собирались искать мою дочь, — тихо произнесла Неллин.

— Амелию? — переспросила Кортни, и её лицо омрачилось. — Но ведь она живёт в Аквасити... Как вы туда доберётесь? — она невольно взглянула на отсутствующую ногу Неллин, и в её взгляде мелькнуло сочувствие.

— Она летела самолётом на юбилей отца, — с горечью ответила Рида. Абсурдность ситуации давила на неё: Амелия летела к отцу, чтобы поздравить его, — и, возможно, погибла, а отец просто взял и ушёл, бросив их всех на произвол судьбы.

«Как он мог? Как он мог?»

— Боинг С456? — вдруг резко спросил Джейкоб напряжённо.

— Да, — ответила Рида, удивлённо подняв брови. — Откуда ты знаешь?

— Мой отец летел тем же рейсом, — Джейкоб нервно провёл рукой по тёмным дредам. —

Наши соседи работают на метеостанции в горах и видели, как с этого самолёта упала капсула. Когда они туда пришли, то обнаружили несколько мёртвых тел... Живые уже ушли, но следы вели в противоположную сторону от города.

Рида и Неллин переглянулись. Неллин затряслась, прикрыла рот рукой, и слёзы покатились по её щекам.

«Мёртвые тела... Амелия могла быть там. Нет, не думай — ругала себя Рида в мыслях. — Амелия ведь та еще заноза в заднице». Рида сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, — физическая боль помогала сосредоточиться.

— Я собираюсь туда, — твёрдо произнёс Джейкоб. — Хочу убедиться, что там отца нет. Ну или... есть.

— Я пыталась его остановить, — вмешалась Кортни, её голос дрожал. — Но он не слушает меня. Может, вы его вразумите? — умоляюще посмотрела она на Неллин.

— Мама, я пойду с ним, — решительно сказала Рида, вставая рядом с Джейкобом.

— Нет! — вскрикнула Неллин, резко поднимаясь с дивана. — Ты не пойдёшь!

Но Рида уже опустилась к её ногам, взяла за руки:

— Мама, послушай меня. Если в этой капсуле была Амелия, она сейчас в большей опасности, чем мы. Я должна найти её.

«Я не могу просто сидеть и ждать. Не могу, а мама пойти со мной не может».

— Я не могу потерять и тебя тоже! — Неллин заплакала, сжимая дочь в объятиях так крепко, будто боялась, что та исчезнет прямо сейчас.

— Ты не потеряешь, — Рида обняла мать в ответ, стараясь вложить в эти слова всю уверенность, которой у неё, на самом деле, не было. — Я вернусь с ней, обещаю. Мы вернёмся обе.

Неллин долго не отпускала дочь. В её глазах читался страхи боль. Она никак не могла отделаться от мысли, что больше ее не увидит, как и Амелию. Но в тоже время понимала, у них не было другого выбора. Она не могла выбирать одну из дочерей. К тому же с Ридой будет Джейкоб, крепкий и казалось вполне надёжный.

Рида заметила на столике ключи от машины, оставленные отцом. Она взяла их, сжала в ладони, металл неприятно охлаждал кожу, а зубцы слегка покалывали пальцы. *«Подачку кинул, — мелькнула горькая мысль. — Смотрите, как я о вас позаботился. Ищите Амелию сами, а я — в закат».*

Они собрали огромные рюкзаки, запихнули туда консервы, сухпайки, воду, спальные мешки, необходимое снаряжение. Рида проверила баллон с газом и фитилём, тот глухо булькнул, подтверждая, что ещё полон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.